

Спасибо деду за Победу! Это и моя война

Автор:

[Алексей Махров](#)

Спасибо деду за Победу! Это и моя война

Алексей Михайлович Махров

Русские не сдаются

Новый фантастический боевик от автора бестселлера «Спасай Россию!» – теперь уже о «попаданце» на Великую Отечественную. «СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!» – легко благодарить последних ветеранов через 70 лет после войны. А каково самому оказаться на их месте? Вступившись за старика, ограбленного отморозками-гастарбайтерами, наш современник получает удар в затылок и теряет сознание – чтобы очнуться в июне 1941 года в горящем разбомбленном эшелоне, в теле своего 16-летнего деда. Как ему выжить на Западной Украине, встречавшей гитлеровцев хлебом-солью, и спасти попавшие в окружение семьи комсостава? Поможет ли боевой опыт Приднестровья и Югославии, где он сражался добровольцем в партизанской войне против немцев и украинских нацистов? Удастся ли «попаданцу» изменить ход истории и предотвратить разгром мехкорпусов Красной Армии в величайшем танковом сражении под Дубно?..

Алексей Махров

Спасибо деду за Победу! Это и моя война

Приношу свою благодарность моим друзьям Борису Орлову и Андрею Туробову за неоценимую помощь при написании этой книги

Пролог

– Пойми, Игорек, мне не так обидно, что избили, что ограбили, но награды... Ты понимаешь? Они унесли мои награды! Так прямо вместе с пиджаком и забрали! – В глазах старика стояли слезы.

Я заскрипел зубами от злости. Мой родной дед – Игорь Петрович Глейман, задрал рубашку, показал жуткие черные кровоподтеки на теле, оставленные кулаками и ботинками подонков, решивших обогатиться за счет беззащитного восьмидесятилетнего старика. Им досталась «огромная» сумма – семь тысяч рублей, много денег дед с собой на дачу не брал. Так... прикупить свежего молочка и хлебушка, что ежедневно развозит по участкам молодой предприимчивый фермер из соседней деревни, построивший на своем подворье образцовое хозяйство по европейским стандартам, включавшее небольшой молокозавод и мини-пекарню.

– Так какого черта ты с собой медали потащил? – раздраженно спросил я деда.

Эмоции искали выхода, мне стоило большого труда сдерживаться, чтобы не заорать на старика, перевалив на него часть вины за произошедшее.

– Так, понимаешь, Игорек, меня попросили в Полбино на празднике выступить, – виновато опустил голову, пробормотал Игорь Петрович. – Двадцать второго июня... Ну, как праздник... Обычное отмечание годовщины начала войны.

– Да, блин, каким ветром тебя туда занесло? – удивился я. Полбино – небольшой поселок в десяти километрах от нашего дачного товарищества. Я там и был-то всего пару раз – ездил туда за питьевой водой несколько лет назад, когда после развода с женой больше месяца жил на даче. Что тогда, что сейчас – вода на участках годилась только для технических целей. А покупать бутилированную водичку в нашем магазинчике оказалось несколько накладно, в поселке же имелась артезианская скважина, доступ к которой никто не ограничивал.

– Директор местной школы – мой бывший ученик. Вот он и попросил, чтобы я выступил на митинге перед учащимися и их родителями, – терпеливо объяснил дед.

- Ладно, я понял, - вздохнул я. Понятно, что старик не виноват - и не хрен срывать на нем злость. Лучше найти тех, кто это сделал и... Там решу, что с ними делать!

- Ты их запомнил? Сможешь описать? - спросил я, не особо надеясь на положительный ответ - нападавшие были сезонными рабочими (по крайней мере, так они представились при первом знакомстве) из Узбекистана. Мало того что они все на одно лицо, так и искать их можно до ишачьей пасхи - перекаати-поле, сегодня здесь, а завтра в ста километрах отсюда. Московская область большая...

- Ну, описать... это вряд ли, а вот показать - могу! - огорошил дед.

- Показать? У тебя фотки есть?

- Нет, какие фотки? Что ты?.. Просто они на постой у Жени Шлявера встали - на дальнем конце участков.

- И он их впустил? - поразился я.

- Не могу сказать... Я его самого не видел, но ЭТИ сказали, что впустил! Они там уже неделю живут. Каждый день участки обходят, работу предлагают. А наш председатель молчит. Мы уж хотели милицию вызвать, но как-то повода не было - они вроде не шумели, вели себя прилично. Хотя сосед говорил, что видел, как они воруют какой-то хлам с пустых участков. А таких в товариществе хватает - по будням у нас три четверти домов пустует.

- И ты хочешь сказать, что уже целую неделю в нашем дачном поселке поселились полдесятка узбеков и никто на это не реагирует? Можно подумать, что мы в каменном веке живем и мобильные телефоны не существуют в природе? Ты не мог мне раньше позвонить? Я бы еще тогда приехал!

- Понимаешь, Игорек... Ну не казались они опасными! - с отчаянием в голосе крикнул старик. - Обычные гастарбайтеры! Забитые, всего боящиеся! И потом... Такие бригады живут на участках каждый год - делают дачникам мелкий ремонт или еще что... землю на огородах копают. Берут недорого, работают хоть и не очень качественно, но на безрыбье...

– Ага, забитые... – горько усмехнулся я. Мне ли не знать – я работал инженером на стройке и каждый день сталкивался с уроженцами Таджикистана и Узбекистана. – А забили, в результате, тебя! Ты, кстати, ментов... тьфу! То есть полицейских вызвал?

– Как сказать... – снова вздохнул дед. – Позвонить – позвонил! Они сказали, что как только экипаж ППС освободится – они подъедут... Вот... До сих пор едут – третий день пошел!

– Погоди-ка! Я понимаю, что здесь область, а не Москва, но как-то странно они реагируют... Ты что им сказал?

– Что пришли узбеки и ограбили меня, – недоуменно пояснил дед. – Что я еще мог им сказать?

– И про сумму сказал?

– Конечно! Они так прямо и спросили: сколько денег было украдено. Я сказал: семь тысяч рублей. И про награды сказал, но они на это, по-моему, вообще внимания не обратили.

Собственно, большая часть дедова «иконостаса» – юбилейные медали. Настоящих наград было всего две: орден Отечественной войны второй степени и медаль «За взятие Берлина». Игорю Петровичу, сыну командира Красной Армии, было в 1941 году шестнадцать лет. И следующие два года он провел на оккупированной врагом территории, попав в июне под бомбежку вместе с эшеленом, на котором вывозили из прифронтовой полосы детей комсостава. Некоторое время считался бойцом партизанского отряда, но особых подвигов совершить не успел – зимой того же сорок первого заработал тяжелую форму дистрофии и обморозил ноги. Отряд скрывался от свирепствующих карателей в глухом лесу. Продовольствие кончилось через две недели, а посланные на его добычу группы не вернулись. Питались корой деревьев... С тех пор у деда проблемы с сердцем. Однако из отряда его не выгнали – Игорь Петрович великолепно владел немецким языком. По той же причине его, невзирая на выявленную сердечную патологию и белый билет, взяли добровольцем на военную службу после освобождения оккупированной территории. Впрочем, не подай он заявление на имя Михал Ивановича Калинина, всесоюзного старосты... Восьмое по счету заявление – предыдущие канули в недрах военкомата.

Оставшееся до Победы время дед трудился переводчиком при штабе танкового корпуса. В штыковые не ходил, но орден, в статуте которого написано: «...награждаются военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск», заслужил честно.

- Теперь понятно... - понимающе кивнул я. - Сумма незначительная, твои награды для них - вообще пустой звук, подозреваемые - гастарбайтеры, которых хер найдешь... Вот они и решили «глухаря» на себя не вешать... Типа: отлежится дедушка и забудет про эту ерунду. Или ты про избиение ничего не сказал?

- Да, про то, что меня избили, не упомянул, - пожал плечами старик. - Не счел нужным...

- Тогда - тем более ты ментам неинтересен! Ладно, сами разберемся! Как ты хотел мне их показать?

- Они так и живут на участке Шлявера!

- Что?! Постой... Так уже три дня прошло, а они...

- Четыре! - поправил дед. - Сосед их буквально сегодня утром видел.

- Блядь! Это или невиданная наглость, или запредельная глупость! - я решительно вскочил со стула. - Пошли, покажешь!

- Игорек! Но их там пятеро!

- Тогда ты подождешь за забором! - решительно отрезал я. - Просто покажешь участок и больше не будешь вмешиваться! Ну, двинулись!

Игорь Петрович, не пытаясь больше спорить, с трудом поднялся и, опираясь на палку, заковылял к двери. Раньше он обходился без трости, но после избиения...

- Твари! Вы мне заплатите! - скрипнув зубами от вновь накатившей волны ярости, пробормотал я.

Мы неторопливо (дед просто не мог быстро идти) вышли за ворота и сели в мою машину, которую я не успел загнать на участок. Путь был относительно неблизкий – участок Шлявера находился на противоположном конце дачного товарищества. А это почти восемьсот метров по прямой – для пешей прогулки с восьмидесятилетним стариком многовато. А вот на колесах – пара минут.

Подъехав к указанной дедом даче, я сразу увидел на крыльце неказистого деревянного домика пару фигур. И правда гости с востока – пара загорелых мужичков неопределенного (между тридцатью и пятьюдесятью годами) возраста.

– Они? – обернулся я к деду.

– Точно они! – кивнул Игорь Петрович. – Вот тот, в красной бейсболке, меня ногами бил, а второй руки выкручивал.

Я вышел из машины и толкнул калитку. Оба узбека, испуганно посмотрев на меня, поспешили скрыться в недрах домика.

– Ну, козлы, вешайтесь! – решительно пересекаю заросший бурьяном участок.

Вообще-то я не супермен. И не спецназовец, даже бывший. И не имею черного пояса карате или ушу. Да, я воевал... Но давно, почти двадцать лет назад – после срочной службы в рядах Советской армии меня мотало по горячим точкам. Приднестровье, Карабах, Югославия... С тех пор неплохо стреляю (и регулярно повышаю квалификацию тренировками в тире и на охоте), хотя снайпером не стал, но вот рукопашник из меня слабенький. Могу пробить пару хорошо отработанных связок – и все. От хулиганов отмахаться – хватает. Жаль, конечно, что дед толком не объяснил причину срочного вызова на дачу – я бы ружьишко свое охотничье прихватил. Или гранату у друзей попросил... Закатить в дверь эргэдэшку, а потом ворваться с матом... Участие в боевых действиях не делает человека крутым супербойцом, но заставляет стать предельно осторожным в вопросах, касающихся безопасности. И при других обстоятельствах я бы никогда не полез в незнакомое помещение с неизвестным количеством противников в нем. Но сейчас... Злость черными волнами клокотала внутри. Казалось – порву этих тварей голыми руками. Да и «враги» – представители хорошо известного типажа людей, которые храбростью не отличаются. И их первая реакция на наш приезд только подтвердила мою решительность. Эх, мне бы еще пару десятков

лет сбросить...

– Эй, уроды, выходи! – поднявшись на крыльцо, открываю дверь ногой. Домишко вздрагивает от удара.

В небольшой комнате – никого. Стол завален грязными тарелками и объедками. Стоящие вдоль стен кровати покрыты разнообразным тряпьем. А запах... Трехдневные портянки благоухают ароматней! Так, а где обитатели притона? Выпрыгнули в окно?

Краем глаза замечаю за правым плечом движение, но отреагировать не успеваю – боль взрывается в затылке яркой вспышкой белого пламени. А потом мрак поглощает сознание и последнюю мысль: «Бля, как обидно!»

Глава 1

Показалось, что в сознание я пришел довольно быстро – и пары секунд не прошло. А значит, еще успею избежать непоправимых последствий своей неосторожности.

Не успев толком открыть глаза, перекатываюсь вперед, подсознательно готовясь удариться о стоящий посреди комнаты стол. Но ничего похожего мне на пути не попадается, и я продолжаю катиться дальше, остановившись метров через пять. Только сейчас до меня доходит, что подо мной не дощатый пол, а земля. Причем с большим вкраплением щебенки, которая ощутимо впивается в бока.

Это что же? Времени прошло больше, чем мне показалось? И эти козлы успели вытащить меня из домика? Глаза... Глаза почему-то не открываются – залеплены чем-то липким. Начинаю судорожно их тереть, и, (о, чудо!) через несколько секунд, каждую из которых я ожидал нового удара, зрение частично восстанавливается. Я действительно лежу на земле. Причем это явно не двор дачи Шлявера – там бурьян по пояс, а здесь травы почти нет, зато в изобилии пыли и мелких камней. А рядом видна какая-то насыпь, очень напоминающая...

Вот это да! Оказывается, я валяюсь возле полотна железной дороги! Это на хрена они меня сюда оттащили? Хотели положить на рельсы и имитировать несчастный случай? Похоже... Только вот не вышло – вон те люди вмешались, что сейчас сюда бегут. И их много – несколько десятков. Однако как-то странно они бегут – словно за ними черти гонятся. И люди странные... Не могу понять, в чем дело, но... нечто в них кажется чужеродным... Одежда? Пожалуй! Какая-то она... старомодная! И почему они бегут, не издавая ни звука? Даже топота не слышно!

Ага, так это не они не шумят, а я ничего не слышу! Вижу, как странные люди раскрывают в крике рты, но в моей голове стоит ровный легкий гул. Может, у меня и уши, как глаза, чем-то забило? Начинаю ковырять их сразу обеими руками... Слух возвращается рывком – словно где-то повернули выключатель.

Вокруг царит жуткая какофония: орут люди, грохочут выстрелы, доносятся взрывы, скрежещет раздираемый металл. Причем я понимаю: кричат не только от страха, но и от боли, уж такие вещи я научился различать хорошо. И выстрелы не похожи на автоматные – скорострельность гораздо выше. Так может звучать авиационный пулемет.

Люди пробегают мимо меня, не пытаясь помочь. Они явно охвачены паникой. Перевожу взгляд на источник их ужаса – в сотне метров от меня на рельсах полыхает пассажирский поезд. Паровоз полностью разворочен взрывом, часть разноцветных вагонов превратилась в обугленные остовы.

Погоди-ка, а почему паровоз? И почему вагоны разноцветные? И что это за рев моторов наверху, как будто по небу проносится банда байкеров на мощных мотоциклах?

Поднимаю голову – надо мной пролетает легкий самолет непривычных очертаний. Едрить! На крыльях и вертикальном киле отчетливо видны кресты. Немецкие... как в фильмах про войну. Ага! Кусочки удивительной головоломки, обрушившейся на меня сразу после возвращения сознания, сходятся – так здесь снимают кино!

Осталось только понять, что я делаю на съемочной площадке. Не вставая с земли, неторопливо осматриваюсь. Ну, торопиться мне вроде как некуда – прямой угрозы жизни со стороны злобных гастарбайтеров не наблюдается. А

если вдруг резко вскочу, то ведь могу и кадр испортить. Или как это у них называется? Люди старались, такие спецэффекты подготовили, пиротехники тонну сожгли, макет поезда – прямо как настоящий – сделали, а я им подгажу? Нет, прикинусь трупом. Полежу полчаса – они сцену отснимут, перерыв объявят, вот тогда и примусь за выяснение обстановки. И первый вопрос: как я сюда попал? Откинувшись на спину, с интересом гляжу по сторонам. Гм... а где съемочная группа? Я как-то раз присутствовал на съемочной площадке – снимался в массовке по молодости лет, так там обслуживающего персонала было как бы не больше, чем статистов. А здесь... никого нет! Ни режиссера, ни оператора, ни осветителей и прочих техников. Не скрытыми же камерами они снимают? В этот момент над горящим поездом вновь появился легкий самолетик. Так это, наверное, и есть «Мессершмитт»! – догадался я. Приходилось видеть его в кадрах хроники. Помню, что номер у него «Бэ Эф-109». Наши летчики его «худым» называли. Понятно, из-за чего – фюзеляж узкий. Еще помню, что вроде бы были какие-то модификации, названные собственными именами... Фридрих, Эмиль... еще что-то... Но как их различать – не знаю.

И вот это самый «Мессершмитт БФ-109» (Фридрих, Эмиль или хер его знает чего!) зашел в хвост состава и пронесся над ним на бреющем, строча из пулеметов. Из горящего макета «мягкого» вагона выскочила статистка в белом платье, угодившая аккурат под одну из очередей. Женщину почти порвало на куски. Вероятно, в нее попало сразу несколько пуль – зрелище жуткое. Словно лопнул наполненный красной краской воздушный шарик. Да, в кино бывает всякое... но что-то кольнуло мое подсознание.

Что? Запах! Мне ли не знать его – вокруг пахло как на самой настоящей войне! Сгоревшая взрывчатка, пороховой дым, кровь – в сумме дают неприятную смесь. Даже если здесь для сугубой достоверности используют вместо краски настоящий медицинский кровезаменитель... Который ничем не отличается от настоящей крови... Как-то оно все... чересчур! И пугающая натуралистичность съемок – при отсутствии съемочной группы.

Самолет пронесся так низко, что я явственно разглядел за стеклом фонаря кабины лицо пилота. Он улыбался! Нет, все-таки это кино – ведь нельзя расстреливать людей и улыбаться. Или можно?

В хвост состава зашел еще один истребитель. В какой-то момент я вдруг увидел в десяти-пятнадцати метрах впереди несущуюся ко мне со страшной скоростью «строчку» дымно-пылевых фонтанчиков. Едва успел подумать, что если сейчас

подо мной вдруг рванет пиротехнический заряд, имитирующий попадание в почву тяжелой пули, мало не покажется, и тут же мимо меня что-то вжикнуло, тело окатило горячей волной. Да мать же вашу! Они для пущего эффекта лупят боевыми? Ведь сейчас рядом явно пролетел кусок раскаленного свинца!

Все чувства просто вопят: Игорь! Ты под обстрелом! Укройся! Но сознание устало цепляется за «простое» объяснение невероятного: это всего лишь кино, кино... Кино? Да мне чуть ногу не оторвало! Ногу? В смысле – мою ногу? Потому как то, что я вижу, – это не моя нога! Фиг с ним, что пропали джинсы и летние туфли, замененные на какие-то полотняные брюки и ботинки со шнуровкой. Но ноги, растущие из моей жопы, – не мои! Они худые и длинные! Я быстро подношу к глазам руки. Ах, черт: и руки – не мои! Кисти тоньше, на правом предплечье нет привычного шрама – следа осколочного ранения. Быстро ощупываю себя: и тело – не мое! Худощавое тело подростка, а не грузное тело сорокапятилетнего мужчины!

Нет! Это все – глюки! На самом деле мне проломили башку гастарбайтеры, и я лежу в больнице под капельницей. С этой мыслью сознание милосердно покидает меня, окутав напоследок черным покрывалом.

Глава 2

Во второй раз я очнулся от того, что по лицу ползала муха. И не одна. Отогнав их взмахом «чужой» руки, приподнимаюсь на локте и осторожно оглядываюсь. Судя по положению солнца, прошло всего полчаса. Ну да, точно – вагоны все еще горят. А вокруг них бродят люди. А чего это они такие... сгорбленные? Так они же тела рассматривают! Ищут родных и знакомых. Или просто раненых. Телами усеяна вся насыпь. Доносятся стоны и детский плач. Как-то не очень похоже на перерыв после съемок, не правда ли?

С трудом поднявшись, поковылял к разгромленному поезду. По пути буквально пришлось перешагивать через трупы. Много трупов. Десятки, если не сотни. И они были самыми настоящими, а не бутафорскими. У многих оторваны конечности и головы, разорваны тела, вывернуты наружу кишки. Пахло гарью, кровью, вокруг вились мириады неведь откуда взявшихся мух.

Я уже понял, что нахожусь очень далеко от дачного поселка, но все-таки зачем-то продолжал искать всему происходящему рациональное объяснение. И не находил! Окончательно мои сомнения развеял взгляд женщины, сидевшей возле окровавленного трупа маленькой девочки. Такое горе не сыграешь.

Это не кино! Я непонятным образом очутился в месте, где самолеты, похожие на немецкие, убили несколько сотен человек. В основном – женщин и детей. Мужчины мне на глаза не попадались.

Поправка! Возле развороченного бомбой паровоза лежал человек в военной форме. Вернее, в чем-то, напоминающем военную форму. По цвету вроде хаки, но с непонятным песочным оттенком. И без погон. Обутый не в сапоги, а в ботинки. Поверх ботинок – до самого колена – ногу обвивали матерчатые ленты. Половина головы у солдата отсутствовала, но зато в метре от обрубка лежала... пилотка с красной звездочкой. Я наклонился и подобрал – точь-в-точь, как у наших бойцов... в фильмах про войну! И эти ленты на ногах... Обмотки! Точно, так они и назывались. Я оглянулся по сторонам, уже догадываясь, что увижу. Ага, вот и она! Неподалеку лежала трехлинейка. Доковыляв до оружия, я поднял винтовку и бегом осмотрел. В Югославии мне доводилось держать в руках множество самых разных стволов, вплоть до экзотических. Из многих удалось пострелять, а некоторые даже собрать-разобрать, удовлетворяя любопытство. Так что я прекрасно знал, как должна выглядеть обыкновенная русская винтовка. Это была самая настоящая мосинка. Практически новая – ни одной царапины на стволе и ложе. Машинально открываю затвор – магазин полон патронов, не похожих на холостые – видны остроносые головки пуль. Зачем-то досылаю, направляю ствол вниз, жму на спусковой крючок – грохает выстрел, на который испуганно оборачиваются бродящие вокруг люди. Патроны боевые – в земле образовалась аккуратная дырочка.

Значит, все вокруг действительно настоящее?!!

Что-то мне опять поплохело. Не выпуская винтовки из рук, присаживаюсь на обломок шпалы. Во рту пересохло, но где взять воды? Так вот же – на поясе солдата висит фляга. Отцепляю и, мимолетно подивившись дизайну (фляга оказалась не алюминиевой, а стеклянной!), делаю большой глоток. Твою мать! Это водка! Но это же к лучшему! Делаю еще один глоток. Ну вот – теперь можно трезво обдумать ситуацию.

А получается настоящая херня – я в чужом теле, а вокруг – война. И если второе могло получить хоть какое-то рациональное объяснение (увезли в другую страну на другом континенте), то первое обстоятельство вообще не поддавалось разумному осмыслению. Внимательно смотрю на свои (чужие!) руки. Так они еще и в кровище! Где это меня угораздило? Ах да! Это я глаза протирал – теперь понятно, что за липкая жижа мне смотреть мешала. А откуда кровь? Аккуратно ощупываю голову – чуть выше линии роста волос обнаруживается нечто, напоминающее засохшую рану. Довольно большую – в палец величиной. Похоже, что чиркнуло осколком, – рана хоть и глубокая, но узкая – края закрылись и запеклись. Повезло...

– Мальчик, это ты сейчас стрелял? – спрашивает тихонько подошедшая седая женщина.

Я мальчик? Опаньки! Эх, мне бы зеркальце – на рожу свою новую глянуть! На сколько лет я помолодел?

– Да, – вежливо отвечаю. – Видите ли, мне показалось, что оружие неисправно, вот и пришлось проверить.

– Хорошо! – Взгляд женщины становится равнодушным. – А мне подумалось – ты с ума сошел, раз в землю стреляешь... Ты ходить можешь? Если можешь – помоги собрать и перевязать раненых.

– Конечно! Только передохну немного – а то я хоть и хожу, но с трудом! Видимо, сотрясение мозга.

– Ты разбираешься в медицине? – в равнодушных глазах женщины вспыхивает надежда.

– Нет, к сожалению, с чего вы взяли?

– Ты употребил медицинский термин!

– Сотрясение мозга? Но чтобы понять это, необязательно быть врачом. Однако хоть я и не врач, но повязку наложить смогу.

– Хорошо! – повторяет женщина, и ее глаза вновь становятся равнодушными. Она медленно и тихо уходит, по пути разглядывая все лежавшие вокруг тела. Но живых поблизости нет.

Она уходит, а я продолжаю сидеть. Сделав еще глоток из фляжки, вдруг соображаю: мы разговаривали по-русски. Значит вокруг как минимум не Южная Америка. Но вроде бы ни в одной русскоговорящей стране сейчас не воюют? Так, может, это не война, а... нападение террористов? Угу, террористы на антикварных самолетах... А им противостоят реконструкторы с трехлинейками.

– Игорь? Глейман? Ты живой?

Это кто меня зовет? Ко мне быстро шагает высокий худощавый парень лет шестнадцати-семнадцати на вид. На нем просторные светлые штаны и рубашка с коротким рукавом. Когда-то белая... На лице – улыбка. Рад меня видеть?

– Откуда ты меня знаешь?

– Игорь, ты чего? – Парень, огорошенный вопросом, неуверенно останавливается в паре шагов. – Ой! Ты ранен? Я посмотрю!

И он бесцеремонно хватает меня за подбородок, задирает голову и начинает осматривать рану. Приходится освободиться от его рук. Возможно, я делаю это излишне резко. Парень снова ойкает и отскакивает.

– Ты чего? Что с тобой? Обиделся, что я в лес убежал, а тебя возле поезда бросил? Прости! Сам не знаю, что со мной случилось, – видел, что ты упал, а остановиться не смог!

И он вдруг зарыдал, закрыв лицо ладонями.

– Эй! – Я осторожно тронул его за локоть. – Я тебя прощаю! Убежал и убежал... Вот только скажи мне: откуда ты меня знаешь?

– Так ты... Так ты меня не помнишь? – всхлипывая, парень заглянул мне в глаза, чтобы убедиться, что я не шучу. – А-а-а, понял... Тебя ведь в голову ранило! И ты, наверное, память потерял, да? Совсем-совсем меня не помнишь? А мы ведь две

недели в соседних квартирах прожили!

- Где это мы рядом с тобой жили? В Южном Бутово?

- Где? Нет, не там. В военном городке стрелковой дивизии. Я Миша. Миша Барский. Сын майора Сергея Ивановича Барского, начальника штаба полка.

- А я тогда, по-твоему, кто?

- Ты Игорь Глейман. Сын подполковника Петра Дмитриевича Глеймана, командира полка.

Ептыть! Это я, что, - в теле деда очутился? Осталось выяснить только одно...

- Какое сегодня число?

Миша от неожиданности икнул.

- Двадцать пятое. Двадцать пятое июня.

- На хер подробности! Год! Какой год?! - рявкнул я.

- Сорок первый! Тысяча девятьсот сорок первый.

Ну, все... Я попал... Ровно шестьдесят пять лет назад (или вперед?) я приехал к деду на дачу. Так что, мать вашу, произошло? Перенос сознания через время и пространство? Мелькнула мысль: хотел молодость вернуть - на! Получи и распишись! На тридцать лет помолодел!

Чтобы помочь мозгу в осознании этого дикого факта, я сделал большой глоток из фляги, которую так и держал в руках. Водка пошла по пищеводу горячей волной и бомбой рванула в пустом желудке. Если учесть, что глоток был не первый... Мне явственно захорошело.

- Эй, ты что делаешь? Водку пьешь? Как ты можешь? Ты ведь комсомолец! - вдруг возмутился Миша.

– Это не водка, это противошоковое средство! – отмахнулся я. – Практически лекарство. На, хлебни. Тебе тоже будет полезно!

Но Барский отскочил, словно я совал ему в лицо горсть собачьих экскрементов. Ну, вольному воля, а мне больше достанется.

Однако пора завязывать с рефлексиями. Я в прошлом, и это факт. Есть, конечно, некоторая вероятность, что все вокруг – красивые цветные глюки, но из-за этой вероятности сидеть на месте и предаваться философским размышлениям о сущности бытия я не буду. Надо действовать! О чем просила та тетка? Найти и перевязать раненых?

Я решительно встал и огляделся, впервые совершенно реально, а не как съемочную площадку, оценив место, где произошел перенос. Фашистские стервятники были опытными и хорошо выбрали место для атаки – состав остановили посреди большого пшеничного поля. Вначале поработали бомбардировщики – вижу несколько воронок от крупнокалиберных, не менее двухсот пятидесяти килограммов, бомб. Они-то и разнесли паровоз и вагоны. И кинули еще десяток «гостинцев», когда народ начал разбегаться. А потом тех, кто уцелел, проштурмовали истребители. Совместно эти гады собрали богатый урожай... Оба откоса насыпи усыпаны телами. Лежали они и дальше – метров на пятьдесят в обе стороны. Хлебные колоски – слабая защита от пуль и осколков. Никаких укрытий, кроме небольшого лесочка, почти рощицы, просматриваемого насквозь, в окрестностях не наблюдалось. От паровоза до него было около пятисот метров. Похоже, что, когда меня «накрыло», дед бежал именно туда. Сейчас из этого леска тянулась редкая цепочка людей. Видимо, тех, кто имел счастье добежать. Основную часть возвращающихся составляли девчонки и мальчишки от десяти до шестнадцати лет, но я заметил среди них несколько девушек постарше. Навскидку, без точного подсчета, здесь погибли или получили ранения не менее четырех сотен человек. И около двухсот осталось на ногах.

Какими тварями нужно быть, чтобы расстрелять полтысячи человек?

Гражданских. Неужели с бредущего они не увидели, что в поезде нет солдат, а только женщины и дети? Не верю – близоруких в авиацию не берут. Все они видели и действовали совершенно осознанно. Я вспомнил улыбку пилота... Ну, суки... Поймаю – по кусочку буду отрезать, пока мясо на костях не закончится. И это, блядь, не метафора – я именно так и сделаю!

– Ладно, пошли раненых собирать!

Следующие три часа прошли словно в бреду. Да, мне приходилось принимать участие в боевых действиях. Я терял друзей, сам был ранен. И думал, что уже привык к крови. Но здесь... Словно прошлась коса смерти – мы находили тела без голов, с оторванными руками, ногами, вырванными внутренностями. Детские тела... И что страшней всего – некоторые детишки, получив кошмарные ранения, до сих пор живы и мучаются от жуткой боли. Господи, если ты есть, как ты допустил такое?

Постепенно вокруг меня образовался небольшой кружок – два десятка парней и девчонок. Как-то так вышло, что я сумел быстро организовать поиск, сортировку и оказание первичной помощи раненым. Неудивительно – раз уж на стройке мне удавалось добиваться созидательной деятельности от толпы бестолковых, плохо понимающих русский язык таджиков, то распределить обязанности среди жен и детей военных, хоть и пребывающих в шоковом состоянии, оказалось несравненно проще.

Собрав всех раненых и перетащив их поближе к полотну железной дороги, мы устало присели рядом с разбитым паровозом. Всего нашли сто восемьдесят шесть человек, из них больше половины – тяжелые. И около двадцати детей просто обречены – помочь им смогло бы только немедленное прибытие реанимационной бригады из двадцать первого века.

Жутко хотелось пить. Солнце немилосердно жарило с небосвода. Отличная летняя погода. Как бы воздушные пираты еще раз не наведались. Для проверки...

– Слушай, Миша, а что мы вообще тут делаем?

– Так это... нас эвакуировали. Семьи комсостава дивизии.

Да, все как рассказывал дед. И если дело и дальше пойдет тем же манером, то до своих нам не добраться... Так и застряну здесь до сорок третьего года.

– Что будем делать? – спросила темноволосая девушка в очках. Она оказалась студенткой-медиком и здорово помогла с перевязками. Звали ее Марина. – Без врачей, без медикаментов, без перевязочного материала половина раненых не

доживет до следующего утра!

- Надо идти за помощью! – сообразил я. – Где здесь ближайшая станция?

- Не знаю! – растерянно ответил Барский.

- Но мы ведь что-то проезжали? Город, село, полустанок? Как давно?

- А-а-а... утром! – почесывая затылок, с трудом припомнил Барский. – Мы как раз встали и умылись, а тут паровоз встал на какой-то станции – воды налить. И мы еще там возле платформы яиц, сала и свежего хлеба к завтраку купили.

- Так, уже лучше! Вспоминай дальше! Сколько прошло времени после проезда станции до начала налета?

- Э-э-э... Часа три! – снова прибегнув к «непрямому массажу головного мозга» посредством почесывания в затылке, ответил юноша.

- Так, если даже с минимальной скоростью плелись, то эта станция далеко. Километров тридцать-сорок, не менее. А помощь нужна быстро! Никаких будок на переездах не проезжали? Ну, такие... со шлагбаумом?

- Точно! Было такое! – сразу вспомнил Миша. – И вроде недалеко! Километра три отсюда. Может, четыре или пять.

- Угу... Или шесть... – кивнул я. – А выехали мы когда?

- Так... вчера ближе к вечеру!

А вот это плохо! Это означает, что мы все еще в опасной близости от границы. И достать нас могут не только самолеты, но и танки. Я небольшой знаток истории, но из школьного курса помню – в июне сорок первого немцы прорывались на очень значительные расстояния. Вроде бы Минск захватили через несколько дней после начала войны. А он чуть ли не в сотне километров от границы! Значит, нам надо быстро собирать раненых и сваливать отсюда! Или по крайней мере как-то укрыть всех уцелевших до подхода помощи. Потому что без транспорта далеко не уйти. Далеко ли пронесут на своих плечах эти мальчишки и

девочки носилки с ранеными? Пусть даже такими же детьми. Да и носилки еще предстояло сделать. Итак, первым делом – эвакуация с этого поля. Надо объяснить уцелевшим, что делать, а самому идти на переезд. Там обязательно должен быть телефон. Ну, начнем...

– Эй, народ! – Я встал и оглядел «свою» группу. На меня смотрело два десятка пар глаз. – Товарищи! Слушайте меня внимательно! Здесь находится опасно! Самолеты могут вернуться. Нужно срочно унести раненых в рощицу! Убитыми займемся позже, сперва позаботимся о живых!

– А ты уверен, что это необходимо? – возразила какая-то женщина. – Раненых нельзя таскать с места на место. Это может им навредить. Не лучше ли остаться здесь? Наверняка нам скоро окажут помощь.

– Простите, гражданочка, но я очень сомневаюсь, что если мы не почешемся, нам кто-нибудь поможет! Мы здесь уже четыре часа, а до сих пор никто не поинтересовался: а почему не пришел на станцию литерный поезд? Неужели вы думаете, что, случись такое в обычное время, мы бы так и сидели у сгоревшего состава и перевязывали детей разорванными рубашками? И, кстати, за все утро по этой ветке не прошел ни один эшелон. Ни на запад, ни на восток! Наверняка что-то случилось! Может, немцы прорвались...

– Ты панику не разводи! – неожиданно вскочил невысокий крепенький паренек, до того смотревший мне в рот и буквально исполнявший все команды. – Да я тебя!..

– Заткнись! – Я беззлобно ткнул парня кулаком в живот. Он пискнул и сложился пополам.

– Ну зачем ты так? – вступилась за него Марина, машинально прикрывая пострадавшего собой. – Колька погорячился, а ты сразу драться...

– Сейчас некогда играть в игры «кто больше Родину любит»! Надо реально оценивать обстановку и спасать людей! – разъярил я. – Начинайте переносить раненых в рощу. Ты, Марина, за старшего! А мы с Михаилом прогуляемся до переезда.

Больше со мной никто не спорил. Проследив, чтобы процесс подготовки к эвакуации не заглох на первых минутах, мы отошли в сторонку. Попутно я подобрал давешнюю винтовку. Так, а патроны? Пришлось переворачивать убитого бойца и снимать с него ремень с двумя кожаными патронташами. Сорок патронов... Немного, но при умелом обращении – вполне достаточно. Да и трехлинейка сама не позволит быстро расходовать боеприпасы – не пулемет, поди. Опоясавшись, я на всякий случай обшарил карманы солдата. И стал обладателем кисета с махоркой, коробка спичек, двух пустых гильз, комсомольского билета на имя Петренко Осипа Макаровича, 1922 года рождения, и пластмассового шестигранного флакончика с квитком бумаги внутри. Не густо... Понятно, что портянки и смену белья Петренко хранил в рюкзаке. Или, как его здесь называют, «сидоре». Который наверняка остался в одном из сгоревших вагонов. А документы? Не знаю, должен ли быть у бойца «военник» или какая-нибудь красноармейская книжка, но командировочное удостоверение должно быть? Или справка из части? Иначе как он докажет, что не дезертир?

– Миша, а этот красноармеец был нашим единственным сопровождающим?

– Нет, их четверо было. С сержантом во главе! – после секундного размышления ответил Барский и оглянулся по сторонам, словно ожидая увидеть их где-то рядом.

– При сортировке погибших мы не видели людей в форме. Возможно, что они погибли, не успев выбраться из вагона?

Барский неопределенно пожал плечами. Ну, с бумагами теперь понятно – скорее всего отсутствующие сопроводительные документы находились у старшего по команде.

А каковы мои собственные ресурсы? Нужно провести инвентаризацию имущества! Итак, что мы имеем?

Штаны парусиновые, одна единица. Когда-то светлые, ныне, после всех валяний по голой земле, переноски и перевязки раненых – непонятного цвета. Рубашка с коротким рукавом, заправлена в штаны (а не навывпуск, как у нас), изначально белого цвета. На груди, с левой стороны, – комсомольский значок и знак «Ворошиловский стрелок» второй степени. В нагрудном кармане –

комсомольский билет. В нем фото молодого деда (почти один в один я в молодости). Что интересно: на первой странице билета всего два ордена, а в моем собственном, оставшемся в далеком будущем, как сейчас помню, было штук шесть. Это, получается, четыре ордена комсомол за Великую Отечественную получил? В кармане штанов – носовой платок, пятикопеечная монета непривычного дизайна, два английских ключа на одном кольце, сложенная вдвое четвертушка бумаги с загадочной карандашной записью «К-в. Евг. Ив. 5-22-47». На ногах – парусиновые ботинки с веревочной подошвой. Дед рассказывал, что их для пущего форсу натирали зубным порошком. Симпатично, но непрактично... Мне бы что-нибудь кожаное, да с нормальной подметкой, а то эта до первого дождя...

– Слушай, Миша, а где наши вещи?

– Ну... в чемодане, наверное... – пожал плечами Барский.

– А где чемодан?

– В вагоне! – Михаил поглядел вдоль состава. Я проследил направление его взгляда – целых вагонов не осталось.

– Ладно, почапали! Не хрен расслаживаться! – встаю и закидываю винтовку на плечо.

Глава 3

С расстоянием Миша погорячился – мы прошли почти десять километров, а переезда все не было. Местность не баловала разнообразием видов – широкие поля, засаженные различными сельхозкультурами, от гречихи до подсолнуха, перемежались небольшими рощицами, похожими на защитные лесополосы.

И при подходе к одной из таких рощ мы вдруг услышали выстрелы. Стреляли из винтовки одиночными. Стреляли спокойно и неторопливо. Размеренно. Так используют оружие, когда стрелку ничего не угрожает. Например, при расстреле безоружных.

Взяв трехлинейку на изготовку, я стал осторожно пробираться через лесок на шум. Мишку я по-человечески просил остаться на месте, но этот малолетний дурак все равно увязался со мной. Метров через сто мы увидели крышу какого-то строения, опознанного Барским как домик обходчика по запомнившейся примете – покосившейся дымовой трубе.

Удвоив осторожность, временами вообще опускаясь на четвереньки, мы с товарищем приблизились к самой ограде, оказавшейся невысоким, всего лишь по колено, штакетником, выкрашенным веселенькой зеленой красочкой. В целом небольшая изба и крохотный приусадебный участок производили приятное впечатление: домик аккуратно покрашен, резные наличники радуют глаз, на окнах кружевные занавесочки. Даже собачья будка сияет свежей краской. На заднем дворе находится чисто символический огорожок – десяток коротких грядок. Перед избушкой разбита круглая цветочная клумба.

И вот как раз вокруг нее сейчас топталось несколько человек. Точнее – пятеро военнослужащих. Разглядеть с расстояния в пятьдесят метров детали обмундирования я не мог, но спутать с чем-то характерные каски... Определенно это были немцы. Поодаль стоял мотоцикл с коляской и небольшой четырехосный броневик.

Немцы, весело горланя (правда, из-за дальности я не различал слов, но общий настрой оставался понятным), устроили фотосессию, центром которой являлось нечто, лежавшее посреди клумбы. Какой-то тюк с барахлом или мешок – плохо видно. Они, попеременно передавая друг другу фотоаппарат, щелкались на фоне этого странного объекта, принимая «героические» позы.

– Веселятся, гады... – Мне вдруг вспомнилась улыбка летчика, с которой тот расстреливал женщин и детей, и руки непроизвольно сжали винтовку.

С трудом подавив в себе желание выстрелить по ненавистным фигуркам в мундирах непривычной расцветки, я до крови закусил губу.

– Чего это они? – удивленно прошептал Барский. Он тоже не мог понять причину веселья.

– Да хер их, уродов, знает! – злобно прошептал я. – Что делать-то будем, Михаил? Явно ведь, что связи с начальством теперь не будет. И помощи мы не

дождемся, раз уж эти твари здесь.

– Может, это десантники? Я слышал, что гитлеровцы часто десант на парашютах и планерах высаживают, – предположил Барский. – Вот сейчас наши подспеют и перебьют их!

– Ага, десант... – хмыкнул я. – Броневик с мотоциклом им тоже на парашютах сбросили? Похоже, что где-то прорыв, а эта группа – разведка или головной дозор. И уж больно беспечно они себя ведут... Или тупые, что сомнительно, или знают, что оказывать сопротивление здесь некому. В любом случае – надо срочно бежать к поезду и предупредить наших. Хотя... толку будет мало! У нас тяжелых больше сотни, а вывозить не на чем. Вот ведь жопа...

Я не стал договаривать, что в случае верности моей оценки ситуации все уцелевшие после бомбардировки обречены. Если даже сразу не убьют – концлагерь не самое приятное место на земле. Задумавшись над вероятными вариантами выхода из неприятной коллизии, я не сразу заметил, что фашисты прекратили фотографироваться и, подойдя к броневику, что-то обсуждают. Похоже, что получили радиограмму – из башни торчала голова в пилотке с надетыми поверх наушниками. Этот тип, похоже командир, приказал своим грузиться. Трое залезли в машину, а двое отошли на несколько шагов.

Негромко стрекоча движком, броневинок укатил в сторону от железки, оставив на прощание небольшое сизое облачко выхлопа. Двое оставшихся солдат постояли пару минут, глядя вслед уехавшим товарищам, затем закурили и, тихо переговариваясь, пошли в сторону домика.

Блин, а ведь это шанс! Я огляделся по сторонам и, наметив две запасные позиции, прошипел Барскому:

– Я сейчас буду стрелять. Что бы ни случилось – ты должен лежать на месте. Иначе, если тебя немцы не убьют, я потом рожу разобью! Понял?

Миша угрюмо кивнул. Хорошо, что не стал препираться, не до того сейчас.

Целюсь в голову дальнему. Хотя это практически не имеет значения – второй ближе ко мне на пару шагов. Выстрел! Вот это удар – пробитая каска отлетает на три метра! Фашист оказался опытным – увидев смерть напарника, мгновенно,

не потеряв ни одной секунды, бросился к ближайшему укрытию – домику обходчика. Молодец, на это я и рассчитывал! Впрочем, на случай если бы он растерялся, у меня имелся запасной план. Но раз уж все пошло, как намечено... Быстро меняю позицию – бегом, только слегка пригнувшись. С этой точки мне видна только часть фигуры противника, спрятавшегося за углом. Обозначаю свое присутствие (надо держать врага в напряжении) – стреляю в расплывающийся силуэт и, не дожидаясь результата, снова сломя голову бегу на третью позицию. Немец, выставив из-за угла ствол карабина, бабахнул куда-то в сторону залегшего Барского. То есть – по тому месту, откуда был произведен первый выстрел. Только бы Миша не запаниковал!

Уф! Добежал! Отсюда фасадная стена дома просматривалась как на ладони. И стоящий у крыльца немец представлял собой большую ростовую мишень. С такой дистанции я мог бить в любое место на теле, на выбор. А языки нам нужны? Нужны!

Выстрел! Фашист роняет карабин и, схватившись за плечо, сползает на землю, оставив на белой стене красную кляксу. Готов красавчик! Выскакиваю из-за дерева и мчусь к избе, контролируя каждое движение цели. Но солдат явно не готов героизировать – сидит, зажимая рукой рану.

Добежав, ногой отбрасываю в сторону немецкий карабин. Его владелец поднимает на меня глаза. Сказать, что он удивлен, – ничего не сказать. Вылупил шары, словно приведение увидел! Ну да, я ведь выгляжу шестнадцатилетним пацаном. Я, в свою очередь, тоже внимательно разглядываю солдата – это мой первый увиденный вблизи враг. На вид – обычный человек, молодой парень лет двадцати. Черты лица правильные, глаза серые, слегка небрит – щетина светлая...

А хорошо этому арийцу сраному прилетело – морда бледная, как у покойника. Болевой шок. Как бы он раньше времени кони не двинул. Шприц-тюбиков с промедолом сейчас в аптечки не кладут, придется народным методом... Снимаю с пояса флягу и, резко сунув горлышко в кривящийся рот фашиста, вливаю в него граммов сто. Конечно, жаль переводить водку на эту тварь, но мне ведь и поговорить с ним надо. Ну, вроде отпустило – щечки порозовели...

– Мишка! – я распрямляюсь и машу рукой. – Дуй сюда!

Барский выносится из рощи, как спринтер на стометровке.

– Как ты их! Молодец! – на бегу восторженно орет мой товарищ.

– Давай-ка, бери винтарь, – я сую Мишке трехлинейку и горсть патронов. – И вставай на шухере!

– На чем? – оторопел Барский.

– Охраняй! Вдруг эти на броневике вернутся. Стрелять-то умеешь?

– Конечно! – немного обиженно ответил Барский, действительно привычно-отработанным жестом приоткрывая затвор, чтобы проверить наличие патрона в патроннике. Затем он пополнил магазин. Ну, в общем, понятно – сын офицера все-таки... В смысле – командира РККА.

– Отлично! Приглядывай за дорогой!

Так, с чего начнем? Снять ремень, на котором только небольшой патронташ с тремя кармашками и штык-нож. Эге, а где все остальное? Не с тридцатью же патронами он воевать собирался? Ладно, с этим можно разобраться потом, а сейчас нужно узнать – где его дружки и не свалятся ли они нам на голову в ближайшую минуту.

– Name, Dienstgrad, Regimentsnummer! Antworten, Arschloch![1 - Имя, звание, номер части! Отвечай, мудака! (нем.)] – рявкнул я на немца, сопроводив слова мощным пинком ногой по ребрам.

Свободное владение немецким языком – добрая традиция моей семьи. Наша фамилия похожа на еврейскую, но на самом деле в предках у меня числились немецкие бароны с приставкой «фон». Причем самые настоящие, а не какие-то там «остзейские». Когда-то давно, в восемнадцатом веке, младший сын нищего баронского рода фон Глейманов поступил на службу к русскому царю. И все его потомки тоже отдавали свои жизни на русской службе. В общем, стали Глейманы простыми русскими людьми, даже приставка «фон» где-то потерялась. Один из представителей нашего рода, мой прадед, прапорщик военного времени, сделал в восемнадцатом году правильный выбор – вступил

добровольцем в Красную Армию. И умудрился сделать карьеру – дослужиться до должности командира полка. Правда, сорок первый год прадед не пережил, доблестно погибнув где-то под Уманью. Однако любовь к «родному» языку он деду привил, а дед потом отцу, а уж после они оба – мне. Я даже учился не в простой, а в спецшколе, где все предметы преподавали на немецком. Так что «языком Гете и Шиллера» владел свободно. Что очень помогло мне десять лет назад – я получил хорошую работу в совместной российско-немецкой строительной компании. Меня даже три раза посылали в Ганновер на полугодовые «курсы повышения квалификации». И за время таких командировок я чрезвычайно обогатил свой словарный запас сленгом и ругательствами.

– Nicholas Merten. Sch?tze. Und der Regimentsnummer sage ich nicht![2 - Николас Мертен, стрелок, а номер части я вам не скажу! (нем.)] – оговорил пленный. – Wer seid ihr? Ihr seid doch keine Militaergeheorige! Wie habt ihr die Soldaten der Wehrmacht anzugreifen gewagt?![3 - Да и кто вы такие? Вы ведь не военнослужащие! Как вы вообще осмелились напасть на солдат вермахта?! (нем.)]

– Ах ты, сука... – почти весело сказал я, примериваясь хорошенько пнуть обнаглевшего ганса в раненое плечо. Чтобы сразу мозги прочистились. Но меня внезапно позвал Барский.

– Игорь! – каким-то странным голосом громко позвал Миша. – Игорь, подойди сюда!

Я резко встал и обернулся. Мелькнула мысль, что возвращаются немцы на броневике. И не одни, а с подкреплением. Но нет – Миша не смотрел на дорогу. Он в упор глядел на лежавший на клумбе ворох тряпья, вокруг которого пять минут назад фоткались фашисты. И что тут особенного? Я присмотрелся, и вдруг пелена упала с глаз – это был вовсе не тюк с тряпьем. Посреди желтеньких и красненьких цветочков ничком лежала женщина. А поверх нее лежала большая мохнатая собака. Так вот где смотрительница переезда и ее единственный защитник!

Причем креативные европейцы не ограничились простым убийством пожилой женщины и собаки. Из их трупов они создали артобъект – железнодорожнице подогнули колени и задрали юбку, а собаку разместили на ее ягодицах. Некрофилы, блядь...

Волна горячей ярости затопила мозг. Что-то изменилось на моем лице, да так, что Барский отшатнулся. Я на деревянных ногах шагнул к фашисту и без замаха ударил его в живот трофейным штык-ножом. Потом еще раз и еще... с проворотом, чтобы уж наверняка... С такими ранами он сразу не сдохнет, какое-то время помучается. Просто убить это... животное – подарить ему спасение. Нет, легко он не умрет! Эх, будь у меня хотя бы час... Он бы узнал, что мы в Сербской Крайне с боснийскими снайперами делали, когда они имели глупость попасться нам живьем...

...Горы, горы... Красивые они, заразы, вот до жути красивые, до дрожи, до смерти! А весной – особенно... Как же, мать его, назывался этот городок? Расстреляйте – не помню. Можно, я буду называть его «городок гаубицы»? Почему такое название? А потому, что именно в этом городке мы оставили одну из двух наших М-30. Микротрещины в наружном цилиндре накатника. После первого же выстрела начинал «плакать». Ну, капли гидравлического масла на поверхности. А в последний раз, при обстреле боснийских позиций, она так хорошо плюнула этим маслом, что у Витьки-Тракториста полщеки обожгло. В самую мордуленцию харкнула. И попала так точно, как снарядами никогда не попадала... Короче, мы ее на ремонт оставили. А сами дальше двинули. «Сами» – это шесть грузовиков, две пушки ЗиС-3, одна гаубица М-30 и три десятка лбов из той породы, которым дома не сидится, а все хочется отыскать приключений на свою жопу. Чем мы, собственно говоря, и занимались последние... ну, неважно сколько месяцев, на территории Республики Сербской, которая отделилась от Боснии и Герцеговины, которые, в свою очередь, отделились от Югославии.

Сначала-то мы в минометчики угодили, но после – после минометчиков сильно много стало, вот нас в артиллеристов и «переквалифицировали», так сказать. По чести, по совести, пушкарки из нас были, как из дерьма – снаряд, хотя это – только поначалу. Потом подучились, попрактиковались, и вот, пожалуйста: восьмой отдельный артиллерийский дивизион, приданный корпусу «Дрина», – прошу любить и жаловать! Отправлен блокировать Жепу. Да не жопу, а Жепу – городок такой. Босняки там окопались, а у сербов к ним вопросы накопились. Очень хотелось уточнить: а что это вы там с детишками, бабами и стариками сербскими натворили? Ну, нам тоже приперло немаканных об том порасспрашивать, вот и бабахали мы со всех стволов по обрезанским позициям. Хорошо так бабахали: после нас – только лунный ландшафт и оставался. Ну да не о том речь...

В тот день мы перебазировались. По своей территории, да всего на пятьдесят километров – чем не туристический маршрут? Тем паче что погода хорошая, сами сытые, довольные и все у нас – зашибись!

Едем, значит, и дорожка такая – ну, не то, чтобы горный серпантин, а, в общем, предгорья. Едем час, едем два... Полста кэмэ – это по прямой, а по дороге гораздо больше получается. Вот так и катимся себе, под ясным синим небушком да ясным ярким солнышком. А время – к обеду. Значит, вставать где-то надо, и чтобы водичка рядом, и кустики – ну, чтоб после обеда далеко не бегать... О! Вот как раз такое местечко и нарисовалось! Дергает меня Сашка-раз за рукав – смотри, мол, командир, место-то какое! Прямо по заказу...

И ведь не сказать, чтобы я новичком был, и ведь знал, что самое красивое место на войне почти наверняка дорожкой к кладбищу окажется, а вот поди ж ты! Кивнул башкой, ровно болванчик фарфоровый, и весь наш дивизион туда и свернул. И встали, точно бараны перед бойней, – в линию. Так выезжать потом проще будет...

Выгрузились, харчишки какие-никакие достали, расселись. И словно забыли, что вообще-то – война вокруг! Костерок развели, жизни радуемся. В ручейке водички набрали, чаек кипятим, лясы точим. Вот как домой вернемся – ух какая жизнь начнется. Ребенок на то время только у меня был, так парни насели: расскажи да расскажи, как с ребяtesчком живется? Рассказываю, по ходу – хлебушек с мясом жуем, заварку в котел бросили: сейчас попьем горяченького, оправимся по кустикам, да и дальше двинем. И тут...

Выстрел я не сразу услышал. Только увидел, как у Макса – Бродя его кличка была, – так вот, у Бродя голова дернулась. И лег он лицом в землю. А выстрел только тогда по ушам и ударил...

Тут столпотворение вавилонское началось. У половины парней автоматы в грузовиках лежат, бронники у всех – там же. Разленились. Половина тех, что с оружием, – вокруг палят бестолково, а вторая половина – к грузовикам рванула. И снова один выстрел через весь этот грохот пробился. И Вовчик – не Черный, а второй, не упомяну уже кликуху его, – на задницу – шлеп! А потом на бок валится, а затылка у него – нет!..

Тут уж все палить похерили – и под грузовики да за орудия. Съежились, будто кролики, каждый норovit в землю вжаться, чуть не вдавиться в нее. Ан хренушки – в каменистую землю не больно-то вожмешься. А под грузовиками – страшно. В кузовах, между прочим, – снаряды лежат. Сейчас пуля в бак прилетит – и всем коллективный песец!

Нам бы до тех стволов, что в машинах лежат, добраться – глядишь, чего бы и сладилось, а то ведь оба пулемета – там, автоматы – только у двенадцати человек, да и то – у четверых уже патроны на исходе. А эти – снайперы, сволота такая! – чего вытворяют? Один нам головы поднять не дает, а второй тем временем с фланга к нам и – бабах! Лешка-Седой вон – лежит, весь в крови, рот только беззвучно открывает, ну, как рыба пойманная. От боли голоса нет. Ему сейчас промедол срочно вколоть надо – шок снять, а попробуй-ка, сунься к нему. Я попробовал – еле назад прыгнуть успел. Пуля в камни возле самого моего носа долбанула – глаза крошкой запорошила. Еще бы чуть – я бы там и остался...

Лежим, в землю вращи стараемся. Сначала ужас накатил – вот как если в жаркий день ведром ледяной воды обдать. Руки-ноги – ватные, пальцы занемели, словно отлежал их. «Стечкин» из кобуры минут пять тащил, все вытащить не мог. А когда вытащил, как посмотрел на него – хера ли с тебя толку, товарищ «АПС»? Ты ж даже в самых смелых своих фантазиях и до половины расстояния, что до снайпера, не добьешь. Он ведь, гнида, может, метрах на восьмистах работает, а я тут... Кандидат в двухсотые...

Третью двухсотку нам минут через пять нарисовали. Старого, ну то есть ростовчанина Андрюху Старкова. Он бросился было к грузовику, тут его и... Как тетерева, на взлете... А что мы могли? Разве что выть. И только пули по металлу – дзинь! Да по камушкам – джик! Лежим, ждем, когда по телу «туп!» будет...

Когда Владик-Волчар – Волоков его фамилия, – свалился с пулей в плече, мне вдруг как-то по фигу все стало. Нет, страх не прошел, в смысле совсем, но вдруг такие мысли в голову полезли – ой, мама! Вдруг стукнуло, что вот лобстера я жареного никогда не ел, да теперь видно уже и не поем. И тут же вдогон прилетело: зато я знаю, что анчоусы и кильки – одно и то же. И снова грустная мысль: девственницы у меня никогда не было, а дело к тому идет, что уже и не будет...

Вот еще травинки, которые прямо рядом с моим лицом торчат, считать начал. Травинки чахленькие такие, бледненькие. Так ведь и не сезон еще для них – чай,

не май месяц. Восемь их, травинок этих было. Две повыше, остальные – совсем маленькие. Вот смотрю на них и думаю: они вырастут, а я и не узнаю – чего хоть это за травка такая?..

У нас потерь прибавилось. Еще один «двести» и пара «триста». Седой кричать начал. С Волчарой, дуэтом. А мы сделать ничегошеньки не можем. Оружия нет, да еще снаряды эти... Того и гляди, взорвемся...

И тут вдруг подумалось мне, что вот так подохнуть – дело последнее. Что ж мы им, ягнята, что ли? Которые молчат? Рукой парням показал – мол, надо всем разом на грузовики рвануться. Оружие возьмем – раз, а то еще и засечем, откуда к нам эти пули-пташечки прилетают? Может, хоть не завалим, так хотя бы попятнаем этих тварей!

Парни головами кивают – поняли. И смотрят на меня. Все верно: раз командир – значит, первым и подниматься. Тут у меня все мысли сторонние ушли, и снова – ужас накатил. Ведь убьют сейчас – к гадалке не ходи...

Только как страх накатил, так куда-то и укатил. Почти сразу же. Ну убьют, ну и чего? Все одно: помирать когда-то да придется. Может, мой срок сейчас и пришел?..

Я уже и патрон в ствол загнал, и подобрался, как волк перед прыжком. Может, успею до пулемета добраться, а с этим механизмом я еще в срочную – на «ты» был. Может, сам их, сук этих, достану?..

Только, как в одной хорошей песне поется, «видно, не судьба была пули мне отведати». Вдруг выстрелы, вопли, да такие, что кажется – целое стадо обезьян в кустах оттягивается. Мы как-то разом все почувствовали, что снайперам резко не до нас стало – рванули за оружием. Я только рукой на орудия махнуть успел, а с «зисок» уже чехлы посдергивали, станины развели, уже стрелять изготовились. И нашим раненым помощь подали: кому – жгут, кому – тампон, всем – промедол...

Замерли, ждем, и тут... Честное слово, чуть не разревелся, когда услышал:

– Эй, славяне, не стреляйте! Свои!

У меня губы трясутся, но марку держу. Не новичок все-таки...

– Свои? А кто такие?

– РДО! – и номер вдогонку...

Ну, тут уж совсем от сердца отлегло. Казаки. Наши. Братишки...

Минут через пять они к нам вышли. И ведут пленных снайперов. Вернее – волокут. И не снайперов – снайперш...

Мы обалдели. Стоим – глазам своим не верим. Это что же: вот эти соплячки нас чуть не уделали? Бля-я-я-я...

Смотрим мы на этих девок, и не знаем, что сказать. Нет, мы не монахи, и не праведники, и на войне всякое бывало. И деревни под уровень грунта ровняли, и по молокососам-фанатикам стрелять приходилось. Да и с женщинами... ну, с боснячками... иногда... это самое... Короче: бывало, и бывало всякое. Но тут...

Мои орлы меж собой пошушукались, а потом Витька-Тракторист тихонечко мне так, на ухо:

– Слышь, Гарик, ты это... Мы, короче, их... Не будем, короче. Ни я, ни остальные. Казаки – пусть их... Только лучше бы, чтоб они их сразу... А?

А мне и самому тошно. Нет, я им ничего не простил и прощать не собирался, но вот... Все-таки нас два десятка мужиков, и казаков этих – еще человек сорок. Нельзя так над бабами... Не по-человечески...

Подошел я к их командиру, да и так спокойненько поинтересовался: а чего, мол, братишка, вы с этими сучками делать собрались? Я, мол, в том смысле, что, может, их расстрелять, да и все?..

Послушал он меня, послушал, потом улыбнулся, да и говорит:

– Ты что, братуха, головой ударился? Казаки с бабами не воют. Чего удумал: «расстрелять»! Отпустим...

Тут уже я решил, что и в самом деле башкой об камень навернулся. То есть как это «отпустим»?! А за моих четверых двухсотых кто ответит?!!

Только за голову свою я переживал рано. Смотрю, казаки им локотки стянули да и поволокли куда-то. Только хотел я у командира их спросить, куда, как он сам ко мне повернулся:

- Мы тут с ребятами распадочек один видели. Подходящий, кажется. Пошли?

Я пятерых с ранеными оставил, а с остальными – за казачками потопал. Шли недолго – с километр, не более. А как на место пришли – я аж вздрогнул...

Обрыв. Не то чтобы какой-то там ужасный, но метров десять – верняк. Внизу – скалы, между ними – ручеек бежит. Казачий командир – имя у него самое что ни на есть казачье – Артур! – и говорит:

- Вот, девоньки, отсюда – свободны.

И рукой так слегка отмахнул. И казаки этих девок давай к обрыву подталкивать. А те еще не понимают, что с ними сделают, только видят, какая у Артура улыбка. А улыбка у него такая была – сказать нельзя...

Одна из них ранена была. Левая рука плетью висела. Вот ее первую и... Она-то в последний момент сообразила, что сейчас будет, рванулась, да куда там... Повалили, за руки, за ноги схватили и – фьюить! Только взвизгнуть разок и успела.

А вторая на колени бухнулась и давай вымаливать, чтобы отпустили. На приличном таком русском. Только акцент прибалтийский.

Я не удержался да и спросил:

- Ты, дева, откуда родом-то?

Та мне в ноги:

- Из Даугавпилса! Не хотела! У меня мама... бабушка... сестренки маленькие...

Я вообще-то человек не жестокий. Наоборот, скорее. Нет, приходилось мне пленных крепко допрашивать, и не один раз, только удовольствия мне от этого не было. Надо так надо, но для удовольствия... Извините, у меня - другие радости!

Но вот тут... Какие, на хрен, сестренки?! Какие мамы-бабушки?! А Бродя, Старый, Наф-Наф и Вовчик этот, который не Черный?! Ты же, сучка, нас - как в тире! А мы тебя?.. Хера!

Пнул я ее ногой, она за обрыв и того... Только мы когда оттуда шли, слышал я - стонала она. Наверное, нелегко умирала, долго...

- Игорь, ты чего? - оторопело спросил Барский.

- Что? - я резко повернулся к напарнику.

- Ты чего сделал? Ты его... зарезал?

- А что мне надо было - конфетами его кормить?

- Но он же... военнопленный! - продолжал недоумевать Миша.

- Ну, во-первых, мы с тобой не военнослужащие, поэтому просто не имеем права брать кого-либо в плен. А во-вторых, он не солдат, а бандит, убивающий мирных жителей! - резко ответил я.

- Но все-таки...

Эх, как мне это напомнило позабытые «песни» наших доморощенных правозащитников. Мало ли что выблядков с оружием в руках схватили над телами растерзанных «мирняков». И они с головы до ног заляпаны кровью своих жертв. Все равно их нужно «задержать», а не арестовывать, обращаться вежливо, соответственно с презумпцией невиновности, у них есть какие-то «права», их нужно поить-кормить и судить, собрав кучу «доказательств» и предоставив адвоката... А гуманный суд даст им лет по двадцать... И они

выйдут на свободу с «чистой совестью» сорокалетними здоровыми мужчинами. Ну или в крайнем случае дадут пожизненное. Тогда они будут долго коптить небо на государственном коште. Нет уж, лучше мы по-простому... ножичком.

Но правоверный комсомолец Миша Барский имел в виду нечто совершенно другое:

– А может, он был рабочим? Или докером в Гамбурге? А если у него двое детей и старуха мать? А ты его так просто – ножом в пузо?

– Миша, для меня эти твари – не люди. А просто бешеные псы. Которых нужно безжалостно убивать. Мне по херу, что он был рабочим! Он только что убил советского человека и надругался над трупом. И я буду давить этих скотов, невзирая на их социальное происхождение!

– Извини, Игорь... – Барский, не ожидавший такой отповеди, смутился. – Однако я хотел сказать, что...

– И давай больше не возвращаться к этой теме!

– Хорошо! – послушно кивнул напарник.

– Следи за окрестностями, а я тут пробежусь немного, осмотрюсь.

Так, начнем с оружия. Что мы имеем? Два карабина «маузера». Такие мне тоже попадались в свое время – 98К. Штык-ножи к ним. Почему-то совершенно тупые[4 - В немецком Боевом уставе пехоты штык-нож обозначен как исключительно колющее оружие. Обучению штыковым приемам в Вермахте уделялось очень малое количество времени. И штыковой рукопашный бой рассматривался только в качестве «последнего шанса» после исчерпания боеприпасов. В связи с этим заточка штык-ножа приравнивалась к порче армейского имущества.]. Далее, по тридцать патронов на ствол. Маловато... Но ведь есть еще мотоцикл с коляской! Наверняка там запас патронов и прочих полезных в военном быту вещей. Вообще-то по фильмам я помнил, что на всех немецких байках стояли пулеметы. Но мне, видимо, попались неправильные фашисты – пулемета не было, на коляске отсутствовала даже турель. Жаль, пулемет в нашем положении – очень полезная штука, особенно в умелых руках. Но зато в коляске обнаружили сваленные портупеи с кучей всяких подсумков

на каждой. Ага, так, значит, гансы просто сбросили «лишнюю» тяжесть. Таскать на себе стало лень, вот и свалили «излишки» на железного коня. Тут же лежали какие-то цилиндры размером с термос. Я уже обрадовался, но в них оказались противогазы. Правда, фляги тоже нашлись – в одной плескалась вода, в другой водка. Еще в коляске присутствовал большой мешок, две продолговатые брезентовые сумки, две малые пехотные лопатки в кожаных чехлах, четыре гранаты-колотушки и холщовый промасленный сверток метровой длины. Осмотр я начал с больших квадратных брезентовых подсумков, к которым и были приторочены фляги. Там обнаружили по одной паре трусов и маек и по две пары чистых носков. Ну и всякая мелочь вроде иголок-ниток, фонарика и, самое главное, еда! Целых четыре пятисотграммовые банки с надписью готическим шрифтом «Fleischkonserven» и две пачки «Gebдск»! [5 - Fleischkonserven (нем.) – мясные консервы. Тушенки в нашем понимании у немцев не было. Скорее данные консервы напоминали колбасный фарш. Gebдск (нем.) – галеты.] Далее – в больших сумках находились патроны. Сотни по две в каждой. Ну, теперь живем! Правда, по старой солдатской поговорке, патронов много не бывает. Бывает просто мало и «мало, но больше уже не унести». В отдельном мешке нашлось нечто неуставное – шесть килограммовых банок советской свиной тушенки, солидный шмат сала и буханка хлеба. Где-то натырили, сволочи! При виде еды у меня заурчало в животе – думаю, что после завтрака дед ничего не ел, а мне потом не до трапез было. А день уже клонился к закату. Ладно, пожрать мы успеем, сначала надо отсюда ноги унести, пока дружки убитых мной козлов не нагрязнули.

Так, а что в длинном свертке? Ух ты! Винтовка! Судя по дизайну – самозарядная. Похожа на «СВТ», но не она... «Светку» мне приходилось держать в руках, а вот такую – нет. Но винтовка явно отечественная, причем в отличном состоянии. К ней прилагались четыре пустых рожковых магазина на пятнадцать патронов. Жаль, что самих патронов не было. Хороший трофей немчура добыла. А мы, стало быть, вернули!

– Миша, ты знаешь, что это? – с винтовкой в руках я подошел к Барскому.

– Ты же из такой в полку стрелял! Неужели не помнишь? – Миша поглядел на меня с удивлением. Но через секунду он вспомнил про мою «амнезию». – Это «АВС-36». Автоматическая винтовка Симонова!

– Автоматическая? Значит, может стрелять очередями? – Я, конечно, небольшой знаток истории Великой Отечественной, и фанатом оружия меня не назвать, но

все-таки... про такую штуку я даже не слышал.

– Да, может. Только это не рекомендуется. Исключительно в экстренных случаях и короткими, по пять-семь патронов, очередями. И не больше трех-четырех магазинов подряд! – огорошил Барский.

Надо же, сколько ограничений! Впрочем, если она под стандартный русский патрон, то отдача у нее ого-го! В «ПК» это компенсируется весом и сошками, а здесь... Думаю, что с рук очередями особо не постреляешь – только с упора. Ладно, потом разберемся. Я аккуратно замотал винтовку в промасленную ветошь и сунул в коляску.

– Пойду в домик загляну. Понимаю, что пахнет мародерством. Но несчастной женщине уже не помочь, а нам нужны еда и перевязочные средства. И телефон!

Миша молча кивнул и стал смотреть на дорогу. Я пулей влетел в избу и лихорадочно огляделся – стоило поторопиться, мне казалось, что внутренний таймер, показывающий обратный отсчет до появления новой партии фрицев, приступил к размену последней минуты. Так, телефон висит на стене у окошка – здоровенный аппарат в деревянном ящике с огромной эбонитовой трубкой. Ну-ка, что со связью? В динамике – тишина. А если ручку покрутить? Тоже тишина! В общем, понятно, что связи пришел песок, но для очистки совести я вышел на крылечко и внимательно осмотрел идущие к домику провода. В пределах видимости обрывов не было. Следовательно, провод обрубили где-то в другом месте. Хрен с ним, я уже и не надеялся... Возвращаюсь в избу. Какой же здесь все-таки порядок и чистота. Бедная женщина... Мне ужасно стыдно лезть в ее вещи. Но надо, черт побери, надо! Впрочем, можно ограничиться большим комодом и стоящим под аккуратно застеленной кроватью сундучком. Постельное белье – чистое, переложенное засушенными цветками лаванды – два комплекта. Беру! Полотенца с вышивкой – четыре штуки – туда же! Порвем на бинты. Что еще? На полке возле печи – мешочки. В них что-то сыпучее. Бросаю их в общую кучу, наверняка там крупы. На подпол уже нет времени – а там стопудово запасена картошка. Нам любая еда пригодится – почти четыре сотни человек кормить надо. Ладно, если повезет – я сюда еще вернусь. И не только за картошкой – железнодорожницу нужно похоронить по-человечески.

Вывалившись из домика с целым кулем завязанного в простыню барахла, я быстро затолкал добычу в коляску мотоцикла. Понятно, что своим ходом мы трофеи отсюда не упрем. Да и средство передвижения грех бросать. Вот

только... я как-то позабыл, что не умею управлять самобеглой коляской. В принципе, ничего сложного, но...

- Миша, а ты на права сдавал?

- Чего? - удивился Барский.

- Мотоциклом управлять умеешь? - Надежда нешуточная - все-таки сын командира. Раз с винтовкой управляется, то, может, и...

- Конечно! - уверенно сказал Михаил.

- Тогда седлай коня, и валим отсюда!

- Чего?

- Блин, заводи мотоцикл! А я пока тела уберу.

Немцев я оттащил в кусты. При тщательном осмотре их, конечно, найдут, но минут десять выиграть можно. А женщину и ее собаку отнес в пристройку, где накрыл старой мешковиной. Быстро заровняв следы волочения, прыгаю на заднее сиденье громко тарахтящего байка.

- Гони!

И мы погнали. Удовольствие от безумной езды на «страшной» сорокакилометровой скорости по грунтовой дороге на антикварном транспортном средстве - близко к нулю. Мало того что отбитая жестким седлом задница онемела практически сразу, я еще и пыли наглотался. И только через пару минут мне в голову наконец пришло, что мы едем на юг, тогда как нам нужно на восток.

- Стой! - проорал я в самое ухо напарнику.

Миша резко тормознул.

- Что случилось?

- Нам в другую сторону! Вдоль железки, а мы едем поперек!

- А что делать? Дорога здесь только одна!

Дорога действительно была только одна. И куда она могла завести – я не представлял. Барский тоже. Естественно, что сразу возник сакраментальный вопрос:

- Что делать-то будем, Игорь?

- Предлагаю проехать дальше еще километра три-четыре. И поискать поворот в нужном нам направлении. А если не найдем – повернем назад и попытаемся проехать по бездорожью вдоль железной дороги. Трогай, только потихоньку!

Однако найти нужную дорогу не вышло – почти сразу мы выскочили из очередной рощицы на край широкого поля и увидели, что нам навстречу движется туча пыли, в которой скрываются какие-то угловатые тени.

Миша без команды начал разворачиваться. Правильное решение – я уже и не ждал встретить своих. Лучше укрыться и посмотреть – кого там черти несут. Расстояние до неожиданных гостей составляло около километра, да и ехали они не спеша, поэтому нам хватило времени вернуться в рощу и спрятаться за кустами.

По дороге проехала небольшая колонна. Головным шел полугусеничный бронетранспортер, за ним громыхали три грузовика с большими опелевскими эмблемами на решетках радиатора. Под тентами сидели солдаты с винтовками в руках и громко горланили «Wenn die Soldaten Durch die Stadt marschieren». Понятно, что и техника и солдаты были не нашими.

- Öffnen die Mädchen Die Fenster und die Türen [6 - Немецкая солдатская песня: Если солдаты По городу шагают, Девушки окна И двери открывают...], – я тихонько допел куплет и уже громче добавил: – Ну, теперь понятно, почему те на переезде вели себя так беспечно! Немчура здесь чуть ли не ротами шастает! И ты еще будешь свистеть мне про десант?

– Да, понял я уже, понял... – с досадой ответил Барский. – Ты прав, к сожалению
– где-то прорыв.

– Лучше бы я ошибся!

– Что же теперь с нами будет? – тоскливо спросил Миша, подняв лицо к синему безоблачному небу.

Глава 4

Это хороший вопрос! Правда, ответ на него предполагал только очень неприятные варианты. Получается, что мы в немецком тылу. И как теперь выбраться, имея на руках две сотни раненых? Ладно, для начала неплохо бы к ним вернуться, а кататься на трофейном мотоцикле по дорогам стало небезопасно. И темнота нам в этом деле не поможет – так еще труднее будет их найти.

Эх, была не была! Попробуем реализовать первоначальный план – найти боковую дорожку, пока не село солнце, а уж потом... Если нарвемся – будем уходить пешком. Авось за двумя непонятными людьми немцы погоню не устроят. Как-то мне не очень верилось, что на третий день войны нас начнут гонять эсэсовские зондеркоманды с собаками.

– Поехали дальше, Миша!

– А если опять?..

– Поехали! Один хер – нам надо к своим. И срочно! Они ведь до сих пор не знают, что тут фашисты кругом. Если на них какое-то подразделение выскочит – всем хана! В лучшем случае в лагерь отправят. В худшем... даже думать не хочется.

Барский уныло кивнул и принялся нажимать ногой рычаг кик-стартера.

– погоди! Давай-ка вещи переложим! Оружие и боеприпасы – на себя, а остальное – чтобы можно сразу схватить.

Мы надели портупеи, винтовки закинули за спины, гранаты засунули за пояс. Мишка взял трехлинейку, а я один из маузеров. Еду и постельное белье увязали в два больших тюка, распределив вес примерно поровну. Кроме этого в свой тюк я упрятал «АВС», решив не расставаться с таким интересным оружием. Провели тренировку – сели в седла, а потом быстро соскочили и, подхватив узлы, пробежали несколько метров. Практическое занятие показало, что тюк Барского завязан недостаточно прочно – он чуть было не вывалил все содержимое на траву. Причем при десантировании Миша умудрился попасть мне по носу стволом винтовки. Исправили укладку и попробовали еще раз. Теперь покидание техники прошло более организовано – на троечку. Можно надеяться, что при виде противника не будет накладок.

– Ладно, всего не предусмотреть! Запомни главное – бежать исключительно по моей команде, а не при виде очередной тучи пыли! И бежать на восток – не перепутай второпях! Поехали, заводи драндулет!

Теперь мы ехали чрезвычайно осторожно. Готовясь выехать на открытое пространство, внимательно осматривали окрестности. Пока нам везло – намотали уже пять километров, никого не встретив. Однако не нашли мы и поворота в нужную сторону. Я уже собирался отдать команду на возвращение к исходной точке, но тут впереди показались танки. Аж восемь штук! Танки сопровождалась мотоциклистами и бронетранспортерами. И вся эта бронированная армада неторопливо (на мой взгляд, привыкшего к совсем другим скоростям) пересекла наш маршрут в направлении с запада на восток. Мы наблюдали движение колонны с дистанции в пятьсот метров, укрывшись в очередной хилой рожице. Бронированные машины грохотали так, что закрой глаза – и кажется, что они проезжают мимо всего в паре шагов.

– Однако если они поехали налево, то нужная нам дорога именно там! – подвел итог наблюдениям Миша.

– Да, похоже, что мы совсем чуть-чуть не добрались до нужного поворота! – согласился я. – Но теперь нам туда путь заказан! Придется обождать, когда они вперед уедут, а то в хвост колонне упрямся.

– А может, вернемся назад к переезду и пешком по шпалам? – предложил Барский.

– Знаешь... – я почесал подбородок, который был покрыт не привычной щетиной, а каким-то цыплячьим пушком. – Так и сделаем. Только высадимся за километр. Ты ведь видел, что туда три грузовика и бэтээр проехали? Наверняка на переезде фашисты новый пост взамен вырезанного поставили. И они теперь, после гибели своих солдат, держат ушки на макушке!

– Солнце сядет через пару часов – как раз нам хватит времени к железной дороге вернуться! А дальше мы даже в темноте не ошибемся: рельсы – отличный ориентир!

– Хорошо! Только давай сначала перекусим. Мы весь день не жрали, а ведь впереди бессонная ночь.

– А как же раненые? Им меньше достанется!

– Нет, лучше будет, если мы по пути загнемся и вообще им ничего не принесем? – резонно ответил я. – От кусочка сала и хлеба запасы сильно не пострадают!

Подумав пару секунд, Барский согласился с моими доводами. Видать, ему тоже хотелось есть (я слышал, как у него урчало в животе), но комсомольская совесть не позволяла объедать немощных товарищей.

Я нарубил веток и закидал ими мотоцикл, а Миша напилел хлеба и сала. И то и другое пришлось делать тупыми ножами, поэтому заняло минут десять. Наконец, мы присели в тени коляски и принялись за еду, запивая ее водой из трофейной фляги. Я бы с удовольствием хлопнул соточку водки, но надо учитывать возможности молодого организма. Мало ли – вдруг это меня не взбодрит, а расслабит?

Нашу мирную трапезу прервал треск моторов – по дороге через укрывшую нас рощицу промчались несколько мотоциклов. Всего я насчитал шесть экипажей. Один из них внезапно свернул на обочину, остальные начали притормаживать. Заметили нас? Мое сердце дало сбой, но рука сама схватила оружие.

Фух, кажется, нет – не засекали! Тормознувший что-то проорал своим товарищам, и те умчались дальше. Эти фашисты тоже оказались «неправильными» – ни одного пулемета или автомата. Зато на двух колясках виднелись привязанные

живые поросята.

– Бери на мушку водилу, а я буду держать второго! – шепнул я Мишке.

Мы залегли, выставив вперед стволы винтовок. До тарахтящего на холостых оборотах мотоцикла немцев было всего тридцать метров. Немцы неторопливо слезли, и целую минуту старательно разминались, вполголоса переговариваясь и негромко смеясь. Уж я-то знаю, что после непродолжительной поездки на этом жутком транспортном средстве тело кажется пропущенным через камнедробилку.

– И чего они тут встали? – недовольно прошептал Барский, косясь на недоеденный кусок сала.

– А вот мы сейчас и выясним! – пробурчал я, постепенно заводясь. – Это очередной шанс взять языка. Ты в ногу с такого расстояния попадешь?

– Спрашиваешь! Конечно, попаду! – обиженным тоном ответил Миша.

– Тогда стреляем по команде! – и в это момент немцы, гогоча над какой-то шуткой, подошли к обочине и, расстегнув ширинки, стали мочиться, стараясь скрестить струйки. – Пли!

Выстрелы грянули синхронно. «Мой» рухнул кулем – пуля раздробила коленную чашечку. «Мишкин» успел сделать несколько шагов и даже попытался стащить со спины винтовку. Пришлось успокоить его вторым выстрелом – уже навсегда.

– Быстро вперед! Я оттаскиваю тела, а ты убираешь мотоцикл! – крикнул я, срываясь с места, как на стометровке.

Раненый истошно завопил от боли, когда я, схватив его за воротник, поволок в рощицу. Не обращая внимания на крики, быстро снимаю с него портупею со снаряжением и скручиваю руки за спиной плечевым ремнем. Второй ремень накладываю как жгут чуть повыше колена. В ближайшие полчаса не сдохнет – и то хорошо. А дольше жить ему и ни к чему.

При внимательном рассмотрении выяснилось, что в «своего» ганса Барский все-таки попал – у мертвеца обнаружилась поверхностная рана на бедре. Мишка, донельзя огорченный досадным промахом, гордо отказался от помощи и в одиночку ворочал тяжелый байк, пытаясь закатить его в кусты. Наконец ему это удалось, и он сразу принялся за маскировку. А я тем временем пробежался по дороге – никто на подмогу фашистам не рвался, вокруг было тихо. Блин, опять повезло? Тенденция, однако... И не сказать, чтобы приятная – жизнь-то полосками идет. Раз повезет, два повезет, потом ка-а-а-ак даст! По голове! И в самый неподходящий момент! И потом... Как там Суворов говорил? Который Александр Васильевич, а не Виктор... «Раз счастье, два раза счастье – помилуй бог! Надо же когда-нибудь и немножко умения».

Ну что же – применим немного умения. Я как мог, наскоро, замел все следы на дороге. Правда, теперь вместо следов волочения остались белые пылевые проплешины, перекрывающие отпечатки протекторов. Ну и хрен с ними! Сразу не заметят, а всю ночь я здесь сидеть не собираюсь. У меня есть пятнадцать-двадцать минут, чтобы расколоть ганса. А потом придется отсюда сваливать, и быстро – дружки несомненно хватятся пропавшего экипажа.

Ну, приступим... Подхожу медленно, потихоньку заводя себя. Все-таки, если ты не садист, психологически очень тяжело пытаться живого человека, хоть и врага, – особенно делая это на холодную голову. Хотя сейчас много времени на разогрев у меня не ушло – достаточно было вспомнить усеянное детскими телами пшеничное поле рядом со сгоревшим поездом.

– Na ja, h?bscher Junge, lass uns reden?[7 - Ну что, красавчик, поговорим? (нем.)] – ласково спросил я, заглядывая фашисту в глаза. И тут же внезапно пнул его в раздробленное колено. Немец взвыл на такой ноте, что будь рядом строение – в нем осыпались бы стекла. – Oh, was f?r ein Weichling![8 - Ой, какой ты неженка! (нем.)]

Барский, следящий за дорогой, тревожно оглянулся.

– Миша, смотри за обстановкой!

– Но что ты делаешь, Игорь? Это не по-комсомольски!

– Миша, иди на хер! Мне нужна информация, и он мне ее даст! Следи, блядь, за дорогой, а сюда не лезь!

Барский, нахмурившись, отвернулся.

– Hier sind meine Freund, den Sie bereuen! Er sagte, dass ich dir tun misshandeln![9 - Вот мой друг тебя жалеет! Сказал, что я плохо с тобой поступаю! (нем.)] – объяснил я немцу произошедший диалог. – Du wei?t, du Bastard, ich bin kein Vampir Blut, und nicht zu genie?en. Also, wenn Sie alle meine Fragen zu beantworten – Ihr Finger wird dich nicht ber?hren. Und wenn Sie schweigen – auf der Multifunktionsleiste Sie weniger oft. Verstehen Sie die Situation, oder muss ich das wiederholen?[10 - Ты знаешь, ублюдок, я ведь не упырь, и кровью не наслаждаюсь. Поэтому если ты ответишь на все мои вопросы – пальцем тебя не трону. А будешь молчать – на ленточки порежу. Ты уяснил ситуацию, или мне повторить? (нем.)]

Немец заерзал то ли от боли, то ли от недоумения. Наверняка у него в мозгах сильнейший диссонанс – какой-то молокосос говорит такие странные слова. Пугает, причиняет боль...

– Der Luder, ich h?re kein Antwort![11 - Ну, сука, не слышу ответа! (нем.)] – рявкнул я.

– Ich hab ihn![12 - Я понял! (нем.)] – скривился немец.

– Dann beginnen... Name, Dienstgrad, Regimentsnummer![13 - Тогда приступим... Имя, звание, номер части! (нем.)]

– Friedrich Weizs?cker. Sch?tze. Sechzigerste Kradschutzen-Bataillon[14 - Фридрих Вайцзеккер. Стрелок. Шестьдесят первый мотоциклетный батальон. (нем.)].

– Regiment, Division?[15 - Полк, дивизия? (нем.)]

– Elfte Schutzen-Brigade. Elfte Panzerdivision[16 - Одиннадцатая мотопехотная бригада. Одиннадцатая танковая дивизия. (нем.)].

– Wohin begab sich Dein Zug, wenn Du machte halt um zu urinieren?[17 - Куда направлялся ваш взвод, когда ты остановился, чтобы поссать? (нем.)]

– Wir sollten den Wachposten am Eisenbahnuebergang verstaerken. Er ist gegen 5 Kilometer von hier[18 - Мы должны были усилить пост на переезде через железную дорогу. Это в нескольких километрах отсюда. (нем.)].

– Das weiss ich. Ich war dort jetzt eben. Es gibt schon keinen Wachposten da. Er ist zu Ende gegeben[19 - Я знаю. Я только что оттуда. Нет там больше вашего поста. Был, но весь кончился. (нем.)].

Солдат посмотрел на меня непонимающе, но через пару секунд понял смысл слов и скривился еще больше. От потери крови и болевого шока доблестный мотострелок побледнел, как мел, по его лицу катились крупные капли пота.

Ну и о чем мне его еще расспросить? Понятно, что об обстановке. Но как это сделать без карты? И без точного определения собственного места пребывания.

– Миша, а мы вообще где?

– В смысле – где? В Советском Союзе!

– Как называется окружающая нас местность?

– Не знаю... – задумался Барский. – Киевский Особый военный округ!

– То, что мы на Украине, а не в Белоруссии, я уже понял. А поточнее никак? Ты же говорил, что мы с утра какой-то городок проезжали! Название не припомнишь?

Барский закатил глаза и стал расхаживать мимо: пять шагов налево, пять направо, бормоча себе под нос: «...и ведь название какое-то смешное было...» Гимнастика помогла, и где-то через минуту он, наконец, вспомнил:

– Здолбунов![20 - Здолбунов – город на юге Ровненской области Украины, административный центр Здолбуновского района, главнейший железнодорожный узел Ровненской области.] Городок назывался Здолбунов!

- Да, это мне сразу все сказало! - язвительно отозвался я. - Мне вся эта география и раньше была по хрену, а уж после... э-э-э... амнезии, так и вообще... Вот... Какие-нибудь крупные города вокруг есть? Ну, кроме Киева, понятно...

- Львов... Дубно... Ровно... Житомир...

- Нда... разброс по расстоянию уж больно большой получается... Скажи мне, откуда и куда мы ехали?

- Из Львова в Житомир.

- И ехали чуть менее суток... Хотя... Хрен его знает, с какой скоростью... Но примерно где-то под Ровно мы должны быть! - Я повернулся к оторопело глядевшему на нас немцу. - Sag mir, was ihr ueberhaup hier tut? Die Front ist doch einige Dutzend Kilometer von hier[21 - Скажи мне, а что вы вообще тут делаете? Фронт в нескольких десятках километрах отсюда. (нем.)].

- Wir haben die Front heute um Nagesanbruch durchgebrochen. Unsere Division ist in den Durchbruch eingezogen und den ganzen Tag ohne Widerstand vorwaertsgekommen[22 - Мы прорвали фронт сегодня на рассвете. Наша дивизия вошла в прорыв и целый день двигалась, не встречая никакого сопротивления. (нем.)].

- Das ist klar... Welche Ziele der Division gestellt sind?[23 - Это понятно... Какие цели поставлены дивизии? (нем.)]

- Wess nicht. Ich hoerte, anscheinend... Ostrog zu greifen und die Eisenbahn zu... dummer barbarischer Name... Berditschew durchzuschneiden![24 - Не могу знать! Слышал, что вроде бы захватить Острог и перерезать железнодорожную ветку, идущую на этот... дурацкое варварское название... Бердичев! (нем.)]

- ?ber welche Kr?fte verf?gt ihr?[25 - И какими силами вы здесь оперируете? (нем.)]

- Wess nicht! - снова отмазался солдат. - Ich hab einige Burschen von Schutzen-Regiment 110 und Aufklarungs-Abteilung 231 gesehen[26 - Не могу знать! Видел ребят из 110-го мотопехотного полка и 231-го разведывательного батальона. (нем.)].

В общем, без карты мне обстановку не прояснить никак, хоть бы нам и офицер попался. А дата и место?.. По истории у меня всегда тройка была, и по Великой Отечественной войне я только самые крупные даты помнил. Вроде того, что началась война 22 июня, а закончилась 9 мая. И вроде бы Сталинградская битва в сорок втором году была... Или в сорок третьем? Нет, в сорок третьем – Курская дуга! А вот что творилось на Украине в сорок первом? Я начал усиленно скрипеть мозгами, но так ничего и не вспомнил![27 - Как раз накануне описываемых событий (24 июня) началась грандиозная танковая битва в треугольнике между городами Дубно – Луцк – Броды. Она продолжалась вплоть до 27 июня. С советской стороны в ней приняли участие: 8-й, 9-й, 15-й, 19-й, 22-й мехкорпуса, всего около 2500 танков. С немецкой: 9-я, 11-я, 13-я, 14-я, 16-я танковые дивизии, около 800 танков.]

Ну, что же... Если послезнание мне не помогает, то буду действовать в соответствии с вновь открывающимися обстоятельствами.

– Danke, Soldat! Habe ich versprochen, dass ich Dich vom Finger nicht ber?hre, wenn Du alles sagst? Deshalb stirbst Du schnell und ohne Qualen![28 - Спасибо, солдатик! Я обещал, что пальцем тебя не трону, если все расскажешь? Поэтому умрешь ты быстро, не мучаясь! (нем.)] – я приставил острие ножа к груди фашиста и с силой нажал. Тупое оружие не оставляло иных вариантов безболезненно умертвить врага.

Немец даже не дернулся, легкая смерть.

– Все, Миша! Собираем новые трофеи и валим отсюда!

Барский, стараясь не смотреть в мою сторону, принялся собирать вещи. Нам достался комплект вооружения и снаряжения, аналогичный предыдущему. Только вместо советской тушенки, сала и хлеба фрицы притырили два круга домашней колбасы и полуведерную бутылку самогона. Через полминуты стало понятно, что в одну коляску все нажитое непосильным трудом не влезет. И Барскому пришлось срочно учить меня управлению мотоциклом. Ну, не бином Ньютона, в конце концов... Водил же я автомобиль – почему не могу управлять этим недоразумением с коляской?

В общем, разобрался... Сели, поехали. Уже в пути я сообразил, что случись нам снова повстречать фрицев, конфуз гарантирован. Взаимодействие с Барским не

отработано, даже о сигналах не договорились. Пришлось останавливаться и наверх стывать упущенное. Наконец, мы снова тронулись и погнали вперед на приличной скорости, да так, что чуть не выскочили на переезд. Вовремя остановились – домик погибшей обходчицы виднелся примерно в полукилометре.

Мотоциклы закатали в небольшой, но довольно густой лесок. Я слез с седла и, потирая отбитую задницу, принялся поудобнее завязывать тук с барахлом и жратвой. Блин, а ведь нам еще и оружие на себе тащить – шесть винтовок! И боеприпасы, которые тянут на десяток килограммов. И ведь не бросишь – если мы в немецком тылу, то нам любой лишний ствол – дополнительный шанс на выживание. А каждый патрон – на вес золота.

Барский посмотрел на мои приготовления к пешему маршу и неожиданно предложил:

– Игорь, а давай, как стемнеет, подкроемся к гитлеровцам на переезде и закидаем их гранатами!

– Миша, их там целый десяток! – попробовал я урезонить развоевавшегося напарника.

– Ну и что? Сколько мы сегодня этих гадов...

– Миша, уймись! Всех мы гранатами не накроем, завяжется бой, в котором у нас уже не будет преимущества внезапного нападения. Они нас просто численностью задавят. Конечно, можно ударить и убежать, но... как мы пойдём к своим, с висящей на плечах погоней?

– В темноте не догонят! – неуверенно сказал Барский.

– Пуля, мой друг, летит на крыльях случайности, и ей абсолютно по хрену, что вокруг темно и ты чемпион мира по бегу! Одно случайное попадание в любую часть тела – и к раненым возле поезда добавится еще один индивидуум, нуждающийся в уходе. И, соответственно, у нас будет на одного здорового человека меньше. А это – минус один носильщик или защитник. Давай не будем рисковать? Вот выйдем к своим, вытащим ребят, и тогда – воюй сколько хочешь! Все, давай загружаться, маскировать мотоциклы и – потопали!

Барский огорченно вздохнул, но, видимо, поняв мою правоту, начал собираться. Через десять минут мы, навьючившись скарбом, двинулись на восток.

Очень скоро я понял, что сильно погорячился, затеяв этот марш. Груз оказался излишне тяжелым для моего молодого тела. Поэтому, продравшись через очередные кусты на крохотную полянку, сбросил тюки и винтовки на землю.

– Эх, сейчас бы парочку ездовых лосей... – буркнул я, вытирая испарину. – Привал!

Барский машинально кивнул, с подозрением всматриваясь в глубину леса.

– Чего ты там увидел?

– Да вот кажется мне, что сразу за полянкой тропинка видна! – неуверенно сказал Барский. – Ведущая в нужном нам направлении.

Солнце уже коснулось краем западного горизонта и между деревьев пролегли глубокие черные тени. До полной темноты далеко, но видимость ухудшилась.

– Ну так сходи, проверь! – предложил я, удобно устраиваясь на тюках. – Все лучше, чем по бездорожью переть, – уже все ноги об корни отбил!

Миша, зачем-то взяв оружие наизготовку, пригнулся, как под обстрелом, и несмело сделал несколько шагов вперед.

– Смелее, Миша, тропинка тебя не укусит! – подбодрил я напарника.

– Игорь, мне кажется, что там кто-то есть! – не оборачиваясь, сказал Барский.

– Хлопци, не стреляйте! – донеслось из зарослей. Голос мужской...

Меня словно пружиной подбросило: секунда – и я уже на ногах, «маузер» в руках, глаза обшаривают лес, мозг анализирует обстановку. Если это засада, то нам однозначно пиздец! Попробую сместиться левее...

– Кто там? А ну, выходи! – рявкнул срывающимся от волнения дискантом Барский.

– Не стреляйте! – повторил невидимый мужик. – Я зараз вихожу!

Из-за деревьев на полянку вылез здоровенный мужичище. Если судить по седой окладистой бороде – в немалых летах.

– Кто такой? Что здесь делаешь? – с интонацией героя-пограничника из детского спектакля спросил Барский, грозно насупив брови.

– Мене звати Гнат Пасько. Я тут хмиз збырав, – ответил старик.

– Сколько вас здесь? – в свою очередь спросил я, переместившись на самый край поляны. Если сейчас за ним еще кто-то вылезет – смогу бить во фланг.

– Тут тильки я та моя кобила. Жилкой звать.

– Миша, держи его на мушке! – приказал я, вламываясь в заросли. Небольшой экскурс по лесу показал – старик не врет, кроме него и худой саврасой кобылы, запряженной в телегу, других живых существ в лесу не было. Телега действительно завалена тем самым «хмизом» – хворостом.

– Ну что? – спросил Барский, старательно выполняющий мою команду – все это время державший старика на прицеле.

– Все чисто!

– Что? – Барский не понял незнакомого термина.

– Нет никого. Только упомянутая кобыла, – пояснил я. – Диду, а откуда ты здесь взялся? Где ближайшее село?

– Так, хлопци, версты три на схид якраз и буде Татариновка. Село невелике, всього тридцять дворив[29 - Так, парни, версты три на восход как раз и будет Татариновка. Деревня небольшая, всего тридцать дворов (укр.).].

- Ты слышал, что километрах в семи отсюда утром поезд разбомбили?
- Чув! - кивнул старик. - Мужики з косовиц поверталися, так розповили. Казали, що народу там германы побилы видимо-невидимо[30 - Слышал. Мужики с сенокоса вернулись, так рассказали. Говорили, что народу там немцы побилы видимо-невидимо (укр.)].
- Место это знаешь?
- Так, знаю... - осторожно признался Пасько.
- Отвезти нас туда сможешь?
- Так, сможу... А що мени за це буде?
- Жить ты за это будешь! - хмыкнул я. - И, может быть, долго и счастливо.
- Грозышся? Мени вже симдесять рокив... И сколько людей погрожували мене вбити - и не пригадаю. Навить сам Петлюра... И де вони зараз? А я ось тут... хмиз збыраю![31 - Угрожаешь? Мне уже семьдесят лет. И сколько людей грозилося меня убить - и не припомню. Даже сам Петлюра. И где они сейчас? А я вот тут - хворост собираю (укр.)] - с улыбкой ответил Гнат и вдруг добавил на чистом русском: - Да и не будете вы меня убивать - вы ведь хорошие парни, комсомольцы...
- А ты, диду, хитрый мужичок! - рассмеялся я, закидывая винтовку за спину.
- Да и ты хлопчик очень непростой! - огорошил Гнат.
- Ладно... Что хочешь за помощь?
- Винтарь хочу! - снова удивил Пасько.
- А на хрена он тебе? Стены в сарае вместо жердины подпирать?

- Ну... пригодится! - с хитрой улыбкой сказал Пасько. - У вас вон сколько винтарей, так неужели не дадите один пожилому человеку?

- Хер с тобой, пожилой... - согласился я, и стал доставать из своей укладки «маузер».

- Э, нет, хлопчик! - покачал головой Гнат. - Ты мне лучше русский винтарь дай! Он и понадежней и... вообще!

- Что «вообще»? - заинтересовался Барский, уже привыкший к своей мосинке.

- Если германы меня со своим винтарем поймают, то повесят сразу. А если с русским - то, может, еще и выкручусь. Кажу, что в лесу нашел.

- Да, в логике тебе не откажешь, старый хрыч! Миша, отдай ему трехлинейку.

- И патроны! - вставил дед.

- И патроны! - кивнул я. - Все равно их кот наплакал.

- А гранаты у вас есть?

- Ты, диду, меру-то знай! - усмехнулся я. - На кой черт тебе гранаты? Рыбу глушить?

- Так пригодятся! В хозяйстве все сгодится... когда-нибудь...

- Дам одну.

- Две! - упорствовал Пасько.

- Одну! - отрезал я. - У нас не военторг, они нам самим нужны. Для дела. И дам только тогда, когда на место нас привезешь.

- Договорились! - вздохнул старик. - Сейчас хворост скину, и можете залезать на телегу.

Глава 5

Ехали мы уже в полной темноте. Каким образом старик отыскивал дорогу – бог знает. Но кобылка уверенно трусила по узким, почти как звериные тропки, колеям. Первоначально я пытался контролировать направление движения по звездам, но после пятого поворота бросил это бессмысленное занятие. Пасько предложил покемарить, пока едем, и я согласился... на словах. Мишка отрубился сразу, а я продолжал бдить, в любой момент ожидая, что вредный старичок привезет нас напрямик в лапы немцев. Черт их, западенцев, знает, что у них в головах...

Было время обдумать все произошедшее.

Только сейчас, задним числом, я вдруг понял, что весь прошедший день ходил под смертью. Причем смертью глупой (хотя умной смерти вообще не бывает...), бессмысленной – мы, два дурачка, катались на мотоцикле под самым носом у фашистов, не сталкиваясь с ними лоб в лоб только божьим попусшением. Как мог я, сорокапятiletний взрослый мужик, вести себя будто безбашенный подросток, совершенно игнорируя очевидную опасность? Да нам надо было по кустам шхериться, а мы, малолетние долбоебы, сами в пасть дракона лезли. Нет, ну ладно Барский – он реально подросток, но я?.. Неужели гормоны молодого тела напрочь отключили мозги? Это очень, очень тревожный признак – если так пойдет и дальше, дед до Победы не доживет.

Значит, нужно тщательней контролировать свои поступки и... слова. А то Миша сегодня уже пару раз после моих ляпов «зависал». Появление новых слов на амнезию не спишешь. И еще неплохо бы узнать, раз нам местный житель попался, где мы находимся и как быстрее до своих добраться.

– Эй, диду, а до Киева далеко?

– Ну ты и спросил, хлопчик! Верст триста!

– Хм... далеко! А город на востоке поближе?

- Бердичев, Житомир... - рассеянно ответил старик, явно думая о чем-то своем.

- А Ровно, Дубно, Луцк сейчас от нас в какую сторону?

- Дубно и Луцк - на запад, а Ровно - на северо-запад, - спокойно ответил Пасько. И куда только делась «ридна мова»? Интересный старичок... Петлюра, вишь, ему грозил... Было бы времени побольше, да обстановка поспокойней - побеседовал бы я с этим дедом... очень обстоятельно.

- О чем задумался, диду? О сале, небось, думаешь? - пытаюсь подначить Игната.

- Почему о сале? - Пасько удивился настолько, что даже вышел из своего самосозерцательного состояния.

- А вы, хохлы, всегда о сале думаете! - рассмеялся я.

Пасько тоже негромко хихикнул, показывая, что шутку принял. И тут же снова погрузился в раздумья. Поняв, что нормально поговорить не удастся, я, достав из ножен трофейный штык и подобранный на дороге камень, принялся точить оружие, поминая недобрым словом предыдущих хозяев.

Что любопытно - несмотря на беспокойный день, наступившую ночь и мерное покачивание телеги, мне совсем не хотелось спать. Возможно, причиной этому был бродивший в крови адреналин, хотя по всем прикидкам уже должен наступить откат, но организм не показывал признаков усталости. Я был бодр и, что удивительно, весел! Или, скорее, мною владела веселая злость - вместо нормального в сложившихся обстоятельствах желания забраться под самую глубокую корягу и там затихнуть, чтобы не нашли, мне хотелось встретить как можно больше людей в серо-зеленых мундирах и убить их. И желательно, чтобы они перед смертью помучились... Нет, я не садист, но мой разум, привыкший выдавать простые и очевидные решения поставленных жизнью задач, не мог найти другого способа отомстить этим тварям за массовое убийство женщин и детей у поезда. И что характерно - я знаю мало подробностей о каких-то деталях Великой Отечественной войны, но прекрасно помню: увиденная мной сегодняшним утром зверская расправа над безоружными людьми - не частный случай, не отдельная ошибка несознательных исполнителей. Это система! Система, в которой смертоубийство поставлено на хорошо отлаженный конвейер. Я мог не помнить дату начала Сталинградской битвы, но зато

прекрасно помнил документальные кадры из Освенцима – рассортированные с немецкой педантичностью кучи обуви: отдельно мужские ботинки, отдельно женские туфли и рядом – детские ботиночки.

Понимаю, что не все солдаты звери... Я ведь три раза был в Германии, прожил в этой стране несколько месяцев, видел немцев в их привычной среде, беседовал за кружкой пива с ветеранами вермахта... Выглядели они нормальными, адекватными людьми. Гитлера ругали... Но... Их ведь хорошо пристукнули после войны. Нахлобучили по самые уши! Не та уже немчурка, не та... С теми, живущими в двадцать первом веке, мне было скучно... А с этими? А с этими – нет! Эти, мать их, соскучиться не дадут... Кто из наших писателей сказал во время войны: сколько раз встретишь немца – столько раз убей? Опять пробелы в знаниях – автора высказывания не помню[32 - Так убей же хоть одного! Так убей же его скорей! Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей! (Константин Симонов. «Если дорог тебе твой дом...», 1942 г.) Полностью стихотворение можно прочитать в глоссарии. (Прим. авт.)], но сама фраза запала. Но тогда я ее не догнал, ибо не видел истоков ненависти. И только теперь я с ясной отчетливостью понимаю – неизвестный мне мужик был прав! Он знал, о чем говорил!

Я, блядь, клянусь, что не позволю им пристукнуть меня до тех пор, пока не укокошу соизмеримое количество фашистов. Да и после этого постараюсь удвоить счет! Чтобы за каждого убитого сегодня на моих глазах ребенка сдохли по два, а лучше – по три-четыре немца! И мне будет абсолютно по херу, кто они: докеры из Гамбурга, крестьяне, единственные кормильцы старух-матерей и малолетних ублюдков, пехотинцы, танкисты, летчики или полковые хлебопеки! Я убью каждого, до кого смогу дотянуться!

– Хлопчик, эй, хлопчик! – Пасько тронул меня за плечо. – Что с тобой?

– А что со мной? – удивительно спокойным голосом переспросил я.

– Ты ножик точишь, а сам зубами скрипишь! – объяснил старик.

– Ну извини, дед, не хотел тебя напугать!

– Меня напугать трудно, но... Ты ведь еще сопляк совсем – откуда столько злости?

- Вот на место приедем - увидишь, откуда что берется...

- Гм... видать там действительно много народа побили... - вздохнул старик. - Ты сколько сегодня германов взял?

«Взял»... Вот так по-простому, словно дело идет об охотничьих трофеях, лосях или кабанах, спросил Пасько. Чувствуется, что «охотничек» он еще тот.

- Четверых!

- Ого! - присвистнул дед.

- Мало. Очень мало, - я хмуро сплюнул куда-то в темноту.

- А сколько тебе лет, парень?

- Семнадцать. Будет. В ноябре.

- Надо же... А рассуждаешь как взрослый...

Прокалываюсь. На мелочах, на каких-то словах и выражениях. Штирлиц шел по зданию рейхканцелярии в буденовке и с балалайкой в руках. Никогда еще он не был так близок к провалу... А с другой стороны - неужели здесь найдется человек, который на полном серьезе заподозрит меня в переносе сознания? Можно и дальше симулировать амнезию, тем более что я действительно ничего не знаю о теперешней действительности.

- А зовут тебя как, хлопчик?

- Игорь. Игорь Глейман.

- Жиденок?

- Да, - легко согласился я. Не излагать же старику подробности своего генеалогического древа. - А у тебя с этим какие-то проблемы?

– С чем проблемы?

Надо же! Старый крестьянин легко «скушал» сложное «научное» слово! Ох, явно у него за плечами не три класса церковно-приходской школы!

– С антисемитизмом! Евреев не любишь?

Пасько весело рассмеялся.

– Ох, хлопчик, уморил... Ты бы меня еще в погромах обвинил! Ты прости, если я тебя этим словечком обидел, – ей богу не хотел! Просто здесь, на Львовщине, слово «жид» не обязательно ругательство, как в России. Да и не похож ты на жиденка – волосы светлые и глаза серые.

– Сдается мне, что ты, дедушка, не местный житель!

– Так помотало меня по свету... А в Татаринке я всего лет пятнадцать назад осел.

– Пажеский корпус не заканчивал?

– Что?! – Старик даже повернулся ко мне. Я не мог видеть в темноте его лицо, но удивление отчетливо читалось по голосу. – Да как ты?..

– Тихо, тихо, дед! – я незаметно вынул из ножен штык. – Чего это ты так переполошился? Если хочешь знать – мне плевать на твое происхождение! Для меня сейчас главное определение своего – готовность убивать немчуру! С этим у тебя как?

– Как... как... каком кверху! – Пасько немного успокоился, снова отвернулся от меня и стал смотреть на плохо различимую во тьме дорогу. Молчал он долгих пять минут. Все это время я был настороже, не выпуская из руки нож. – Пока вас не встретил – вмешиваться в эту войну не собирался. Стар уже, да и вообще... Но что-то екнуло – какие-то молокососы с германцами бьются, трофейными винтовками увешаны, а я?.. Продолжаю изображать малоросского пейзажника? Вот везу вас, а сам думаю думаю – что делать?

– И что надумал?

– Пока ничего, трудно решить, – вздохнул Игнат. – Но вам я не враг. Ты это... ножик-то убери! А то как-то неуютно...

Глава 6

Июньские ночи короткие – вроде бы только что солнце село, а уже рассвет! За раздумьями я и не заметил, как мы приехали. В серых предутренних сумерках стоящие на насыпи сожженные вагоны казались авангардистскими скульптурами.

Проехать прямо к путям не вышло – дорога, если так можно назвать едва видимую в траве колею, шла параллельно железке, метрах в семистах. Надо будить Барского, взваливать на себя поклажу и топтать ножками. Растолкать Мишу оказалось занятием трудным, причем совмещенным с риском тяжелых травм – толком не проснувшись, мой боевой напарник лягнулся ногами, как скаковая лошадь. Наконец, задолбавшись, я просто спихнул Барского на землю. Грохнувшись кулем, воспитанный интеллигентный юноша, комсомолец, выдал длинную матерную конструкцию, в которой перечислил различные сексуальные действия, в том числе анальные и оральные, которые он собирался предпринять в отношении того, кто его разбудил. Старик, внимательно выслушав весь этот произнесенный ломающимся полудетским голосом бред, улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Вот, помню, в двадцатом мы одного матросика... гхм... поймали и к Духонину собирались отправить, так он примерно вот так нас обложил, стервец. Так еще и в рожу штабс-кап... помощнику моему плюнул. Не обеднела, стало быть, русская земля талантами!

После такого заявления окончательно проснувшийся Миша густо покраснел, торопливо поднялся с земли и принялся суетливо паковать наши вещички. Нагрузившись, как два ездовых оленя, мы бодро зашагали в направлении сгоревшего поезда.

Пасько, привязав поводья кобылы к передку телеги, пошел с нами, повесив на плечо винтовку. И пока мы шли, Игнат настороженно оглядывался по сторонам, готовый, как мне показалось, в любой момент залечь и открыть огонь.

Пыхтя под грузом, Барский периодически душераздирающе зевал, грозя вывихнуть челюсть.

– Того матросика случайно не Железняк звали? – вполголоса спросил я Пасько. – Он как раз в этих местах воевал...

– Это тот, про кого песню жалостливую сочинили? – с ядовитой ухмылкой ответил старик. – Как же, как нам советская власть радио провела, так и услышали... Он шел на Одессу, а вышел к Херсону... Это же надо было придумать такой географический кретинизм!

– Ты, твое высокоблагородие, красного героя не оскорбляй! – хмыкнул я. – Он не в конкретном направлении шел, а «вперед, заре навстречу!». Удивительно, что он вообще куда-то вышел...

Игнат озадаченно покосился на меня, но, поняв, что это такая шутка, тихонько рассмеялся.

– О чем вы там шепчетесь? – обернулся к нам Барский, после очередного зевка.

– Да вот... Дед Игнат просит ему слова записать, что ты пять минут назад произнес! – подмигнув старику, ответил я. – Говорит, что обязательно на колхозном собрании с односельчанами поделится!

– Да, непременно! Особенно председателю они по душе придутся! – фыркнул Пасько. – Тут главное вовремя их ему сказать... с выражением!

Миша снова покраснел и, отвернувшись, обиженно засопел.

До цели похода оставалось метров двести, когда я заметил, что здесь кто-то побывал. Почти ничего не изменилось, но наш маршрут вдруг пересекла гусеничная колея. Причем следы траков показались мне непривычно узкими. Неужели немцы?

Я моментально сбросил с плеча тук и присел, взяв оружие наизготовку. Пасько мгновенно последовал моему примеру, а Миша так и продолжал топтать вперед, всей своей спиной выражая непримиримую обиду к злым шутникам.

– Барский, лежать! К бою!

Сработало – напарник на полушаге рухнул, использовав объемистый тук в качестве бруствера. Все-таки хорошо здесь молодежь воспитывают – скомандовал – и они, не раздумывая и не переспрашивая «зачем да почему», выполняют. Причем быстро и эффективно.

– Оба на месте! Барский! Смотреть вперед! Сигнал к продолжению движения – два раза поднятая вертикально вверх винтовка. При виде противника – открывать огонь на поражение! И перекатами отходить в сторону телеги. Как понял?

– Есть! – звонким от волнения голосом ответил Миша и, не удержавшись, спросил: – К телеге, это чтобы от наших увести?

– Да! – Я между тем вертел головой на все триста шестьдесят градусов. Но немцев пока не видел. – Пасько!

– Я-я-я! – неожиданно бодро рыкнул старик.

– Держи тыл!

– Слушаюсь! – ответил старик и развернулся.

Ну что же, пойду, проверю, что там впереди. Аккуратно, осторожно, короткими перебежками, как прапор в учебке вдалбливал. Хорошо нас тогда погонял, до седьмого пота, до полного автоматизма – старая советская школа! Мне это потом не раз жизнь спасало! Сейчас так уже не учат – солдатиков берегут. До первого настоящего боя, ага...

Обстановка не нравилась мне все больше и больше – по пути к поезду попались еще две гусеничные колеи. И самое главное – я до сих пор не увидел никого из уцелевших. Или они успели закончить эвакуацию в ближайший лесок, или...

Сбылись мои самые худшие подозрения – пройдя еще полсотни метров, я понял, что следы бронетехники (ну не на тракторах же они здесь ездили?) ведут точнехонько к разбитому эшелону. Туда, куда мы вчера перенесли всех раненых. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце. Я, забыв про осторожность, бросился бегом, уже догадываясь, что увижу. Но глупая надежда «вдруг не заметили, вдруг пощадили» продолжала теплиться в глубине души. Я добежал до вагонов и... замер.

Нет! Заметили... И не пощадили... Глупо было ожидать милосердия от этих двуногих тварей. Так они еще и фантазию проявили! Или боеприпасы сэкономили, сволочи...

По неровным рядам уложенных на землю и перевязанных тряпками раненых фашисты аккуратно проехали на танке. И, видимо, не один раз – некоторые тела просто размазало по земле. Я побывал на нескольких войнах, где видел очень страшные вещи, в том числе целиком вырезанные деревни с мирными жителями, и думал, что никогда уже не буду блевать, как тогда, в горной деревушке на границе с Черногорией. То село мы отбили у босняков, занимавших его три дня. На такие «икебаны» пришлось насмотреться... Людей там жгли заживо, сдирали кожу, прибивали к собственным воротам. Но сейчас...

Меня скрутило так, что небогатое содержимое желудка выскочило практически мгновенно, но жуткие спазмы продолжали выворачивать наизнанку. Я рухнул на колени, выплевывая на бурую от крови траву почти сухую желчь.

Что же вы сделали, гады? Это же дети! Дети!!! Искалеченные, беспомощные... Я сам не ангел, приходилось добивать раненых врагов. Но это всегда были крепкие парни, знающие, за что воют, и, истребляя их, мы уменьшали мобилизационный потенциал противника – ведь после ранения эти ребятки всегда вставали в строй, только злее становились. И опытней.

Но здесь? При самом благоприятном течении событий самый старший из зверски убитых мальчиков мог стать солдатом года через три-четыре. Как раз к концу войны. И таких тут всего два десятка, а большинство – лет по восемь-двенадцать. Так почему их добились? А девочки? Они всегда, за очень редким исключением, считаются некомбатантами, но танки проехали и по их телам.

Ну, суки... Что-то сдвинулось в моем мозгу. Что-то, и без того задвинутое на самые задворки. Что-то именуемое гуманизмом... Оно сдвинулось и с едва слышимым щелчком покинуло меня. Возможно, навсегда... Я теперь не просто этих тварей мочить буду... Я их так убивать буду, что живые при виде трупов от страха срать начнут... Прав был классик: они не люди![33 - Илья Григорьевич Эренбург, статья «Убей!», «Красная звезда», 24 июля 1942 г. См. глоссарий.]

С трудом встаю с колен. Ноги не держат, руки трясутся. Хорош боец, гроза фашистов... Подбираю оружие и оглядываюсь. Очень мешают стоящие в глазах слезы. Сморгиваю их, но они все равно продолжают течь. Надо взять себя в руки, на мне два пацана, включая дедово тело. Да и здесь еще могут оказаться живые. Хотя зная немецкий педантизм... Значит, лишнюю влагу долой! Два раза поднимаю над головой винтовку и, пару секунд подумав, иду встречать своих попутчиков. Ни к чему Мише видеть такое.

- Что? Что там? - на ходу кричит Барский.

- Стой! Не ходи туда! - я хватаю напарника за руку, краем глаза замечая, что Пасько не остановился, а прошел дальше.

Реакция ожидаемая - старика тоже начинает выворачивать. Да, в его время войны были благородней... Барский внезапно вырывается и бежит к поезду. Эх, напрасно! Через мгновение Мишка видит растерзанные тела и... присоединяется к Игнату.

- Дурак! - Что я еще могу сказать?

Пока старик и юноша приходят в себя, осматриваюсь. Хм... Мне мерещится от пережитого или количество трупов явно меньше бывшего количества раненых? Видимо, пока мы с Мишей исследовали окрестности и знакомились с интуристами и местными жителями, наши коллеги по несчастью сумели эвакуировать часть людей. Но куда? В тот лесок, который я предложил? Надо проверить. Как там мои товарищи? Пасько уже поднимается, а вот Мишу по-прежнему крутит... Ладно, подождем, две минуты роли не играют.

Игнат встал с колен и, шатаясь, подошел ко мне.

- Игорь, кто это сделал? Неужели германцы?

– А сам-то как думаешь, дед?

Старик замялся.

– Неужели считаешь, что жида-комиссары зверски убили собственных детей? Здесь ведь семьи комсостава – офицерские по-вашему...

Пасько судорожно сглотнул.

– Нет, я так не считаю... Это было бы слишком даже для них... Но неужели германцы?..

– Они, дед, сейчас совсем не такие, с которыми ты, возможно, сталкивался в ту войну. Они ведь себя лучшей нацией на Земле объявили, неужели не слышал? И все, кто к великому немецкому народу не принадлежит, – грязь, говно, которое можно и нужно безжалостно уничтожать. Вот как здесь, например!

– Но ведь здесь только дети!

– А им без разницы...

Старик смешно наморщил лоб и отошел в сторону, крепко задумавшись.

– Да, не отсидишься ты на своем хуторе, твоё высокоблагородие! – горько усмехнулся я. – Они тут поначалу все подчистую выгребут. До нитки ограбят. А потом зачистят лишние рты, оставят только тех, кто будет убирать для них хлеб, добывать уголь и валить лес. Рабов, короче... И тебя, поскольку ты старый и немощный, в газовую камеру отправят!

– Куда? – обернулся в изумлении старик.

– Патроны-то денег стоят, да и стволы горят... Не говоря уж о жутких моральных страданиях палачей. Вот и изобрели образованные европейцы такой способ массового уничтожения людей, чтобы сразу десятками тысяч на небо отправлять, – газовые камеры. Привозят ничего не подозревающих стариков, женщин и детей на пересыльный пункт. А там вроде как помывка организована –

душ работает. И даже по кусочку мыла всем желающим дают и чистые полотенца. Народ радостно заходит и начинает мыться. Тут двери герметично закрываются, и вместо воды из душевых рожков начинает отравляющий газ идти. Пара минут – и все! Заходит бригада из таких же несчастных и оттаскивает тела в крематорий. А мыло и полотенца тщательно собирают – для новой партии жертв. Потому как истинный германец должен быть экономным! Поэтому аккуратно снятая и сложенная перед помывкой одежда тщательно сортируется и отправляется на склад[34 - Игорь немного ошибается. Газовые камеры лагерей смерти были замаскированы не под душевые, а под дезинсекционные помещения. И помыться перед смертью люди не успевали – воду подавали после казни и выноса трупов через большие потолочные распылители. Душевых рожков как таковых не было. Газ пускали через специальные люки. А вот мыло и полотенца действительно были многократными – их собирали после экзекуции и выдавали следующей партии. (Прим. авт.)]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имя, звание, номер части! Отвечай, мудака! (нем.)

2

Николас Мертен, стрелок, а номер части я вам не скажу! (нем.)

3

Да и кто вы такие? Вы ведь не военнослужащие! Как вы вообще осмелились напасть на солдат вермахта?! (нем.)

4

В немецком Боевом уставе пехоты штык-нож обозначен как исключительно колющее оружие. Обучению штыковым приемам в Вермахте уделялось очень малое количество времени. И штыковой рукопашный бой рассматривался только в качестве «последнего шанса» после исчерпания боеприпасов. В связи с этим заточка штык-ножа приравнивалась к порче армейского имущества.

5

Fleischkonserven (нем.) – мясные консервы. Тушенки в нашем понимании у немцев не было. Скорее данные консервы напоминали колбасный фарш. Gebäck (нем.) – галеты.

6

Немецкая солдатская песня:

Если солдаты

По городу шагают,

Девушки окна

И двери открывают...

7

Ну что, красавчик, поговорим? (нем.)

8

Ой, какой ты неженка! (нем.)

9

Вот мой друг тебя жалеет! Сказал, что я плохо с тобой поступаю! (нем.)

10

Ты знаешь, ублюдок, я ведь не упырь, и кровью не наслаждаюсь. Поэтому если ты ответишь на все мои вопросы – пальцем тебя не трону. А будешь молчать – на ленточки порежу. Ты уяснил ситуацию, или мне повторить? (нем.)

11

Ну, сука, не слышу ответа! (нем.)

12

Я понял! (нем.)

13

Тогда приступим... Имя, звание, номер части! (нем.)

14

Фридрих Вайцеккер. Стрелок. Шестьдесят первый мотоциклетный батальон.
(нем.)

15

Полк, дивизия? (нем.)

16

Одиннадцатая мотопехотная бригада. Одиннадцатая танковая дивизия. (нем.)

17

Куда направлялся ваш взвод, когда ты остановился, чтобы поссать? (нем.)

18

Мы должны были усилить пост на переезде через железную дорогу. Это в нескольких километрах отсюда. (нем.)

19

Я знаю. Я только что оттуда. Нет там больше вашего поста. Был, но весь кончился. (нем.)

20

Здолбунов – город на юге Ровненской области Украины, административный центр Здолбуновского района, главнейший железнодорожный узел Ровненской области.

21

Скажи мне, а что вы вообще тут делаете? Фронт в нескольких десятках километрах отсюда. (нем.)

22

Мы прорвали фронт сегодня на рассвете. Наша дивизия вошла в прорыв и целый день двигалась, не встречая никакого сопротивления. (нем.)

23

Это понятно... Какие цели поставлены дивизии? (нем.)

24

Не могу знать! Слышал, что вроде бы захватить Острог и перерезать железнодорожную ветку, идущую на этот... дурацкое варварское название... Бердичев! (нем.)

25

И какими силами вы здесь оперируете? (нем.)

26

Не могу знать! Видел ребят из 110-го мотопехотного полка и 231-го разведывательного батальона. (нем.)

27

Как раз накануне описываемых событий (24 июня) началась грандиозная танковая битва в треугольнике между городами Дубно – Луцк – Броды. Она продолжалась вплоть до 27 июня. С советской стороны в ней приняли участие: 8-й, 9-й, 15-й, 19-й, 22-й мехкорпуса, всего около 2500 танков. С немецкой: 9-я, 11-я, 13-я, 14-я, 16-я танковые дивизии, около 800 танков.

28

Спасибо, солдатик! Я обещал, что пальцем тебя не трону, если все расскажешь? Поэтому умрешь ты быстро, не мучаясь! (нем.)

29

Так, парни, версты три на восход как раз и будет Татаринковка. Деревня небольшая, всего тридцать дворов (укр.).

30

Слышал. Мужики с сенокоса вернулись, так рассказали. Говорили, что народу там немцы побили видимо-невидимо (укр.).

31

Угрожаешь? Мне уже семьдесят лет. И сколько людей грозило меня убить – и не припомню. Даже сам Петлюра. И где они сейчас? А я вот тут – хворост собираю (укр.).

32

Так убей же хоть одного!

Так убей же его скорей!

Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей!

(Константин Симонов. «Если дорог тебе твой дом...», 1942 г.) Полностью стихотворение можно прочитать в глоссарии. (Прим. авт.)

33

Илья Григорьевич Эренбург, статья «Убей!», «Красная звезда», 24 июля 1942 г. См. глоссарий.

34

Игорь немного ошибается. Газовые камеры лагерей смерти были замаскированы не под душевые, а под дезинсекционные помещения. И помыться перед смертью люди не успевали – воду подавали после казни и выноса трупов через большие потолочные распылители. Душевых рожков как таковых не было. Газ пускали через специальные люки. А вот мыло и полотенца действительно были многообразными – их собирали после экзекуции и выдавали следующей партии. (Прим. авт.)

Купити: https://tellnovel.com/mahrov_aleksey/spasibo-dedu-za-pobedu-eto-i-moya-voyna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)